

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы И М . Н . Я . М А Р Р А

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

XI

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
М О С К В А 1 9 4 9 Л Е Н И Н Г Р А Д

М. К. КАРГЕР

КИЕВ И МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

«В летописи не занесено ничего подобного, либо похожего на это нашествие. К числу самых ужасных бед, о которых они повествуют, относится расправа Навуходоносора с израильтянами: избиение их и опустошение священного Иерусалима. Но что такое Иерусалим сравнительно с опустошенными этими проклятыми людьми областями, главные города которых были вдвое больше Иерусалима, что такое израильтяне, в сравнении с вырезанными теперь, когда население какого-нибудь одного города, жителей которого избивали татары, превосходило своею численностью весь израильский народ. Я полагаю, что народы не испытают более подобного разгрома до самого того времени, когда человечество предстанет на суд божий и пока мир не обратится в ничто. Ибо даже антихрист пощадит тех, кто последует за ним, хотя погубит тех, кто окажет ему сопротивление, те же не пощадил никого, но убивали и женщин и мужчин, вспарывали животы беременных и резали еще не родившихся. .».

Ибн аль-Асир (арабский историк XIII в.).

«Величество наше смирился, красота наша погыбе, богатство наше онем [врагам] в корысть быть, труд наш погани наследоваша, земля наша иноплеменным в достояние быть. .».

Серапион Владимирский (середина XIII в.).

I

Вопрос о роли монгольского завоевания для последующих исторических судеб Среднего Поднепровья и стольного города разоренной Киевской земли, в частности, — был поднят в нашей исторической науке давно и с тех пор неоднократно вновь и вновь дебатировался в русской, украинской и польской историографии. Необходимо подчеркнуть, что проблема эта обсуждалась почти всякий раз в обстановке чрезвычайного политического накала. Вопрос, касающийся, казалось бы, очень отдаленного периода в жизни нашей Родины, нередко становился плацдармом острых политических дискуссий и не раз использовался для «обоснования» различных, порой весьма далеко идущих политических концепций.

Более девяноста лет тому назад, в 1856 г., в очередном томе Известий Второго отделения Академии Наук М. П. Погодин выступил со знамени-

той впоследствии «Запиской о древнем языке русском»,¹ в связи с появлением работ И. И. Срезневского и П. А. Лавровского, посвященных некоторым вопросам истории древнерусского языка. Погодин обратил внимание на то, что язык древнейших памятников киевской письменности не обнаруживал, как ему казалось, никаких признаков украинского языка. Язык памятников древнейшей киевской письменности ни в чем не обнаруживал ни малейшего родства с языком украинских документов XVI—XVII вв., решительно отличался он и от того языка, на котором говорили украинцы—современники Погодина. Рассуждения Погодина шли по следующему пути: «Если б Нестор, — писал он, — и продолжатели его, киевские летописатели, были малороссияне, то каким бы образом могло случиться, чтоб они не дали нигде приметить своего малороссийского происхождения? Каким бы образом могло случиться, чтоб они не обронили там-сям какого-нибудь малороссийского слова, не употребили малороссийского оборота, не вставили иной поговорки или удержались от междометия?»²

Вывод Погодина был сформулирован им весьма решительно: «... летописи принадлежат не малороссиянам, а какому-нибудь другому племени. Следовательно, и племя другое жило в Киеве, а не малороссияне».³

Считая, что «в летописях господствует великороссийское наречие, а малороссийского нет», Погодин подходил к дальнейшему, основному выводу: «... в Киеве жили до татар не малороссияне, а великороссияне».⁴

Если к этим выводам Погодин приходил на основе филологических размышлений, то как историк он подкреплял их соответственной интерпретацией известных ему исторических фактов. Сравнение характера русских князей, характера военного сословия Киевской Руси, облика людей великокняжеского Киева, их нравов, обычаев, жилищ, одежды, пищи, одним словом — сравнение культуры древнерусской с украинской культурой позднейшего времени окончательно убеждало Погодина в правильности его филологических рассуждений. «Великороссияне, — заключал он, — древнейшие поселенцы по крайней мере в Киеве и окрестностях. Малороссияне пришли в эту страну после татар».⁵ Передвижение «великороссиян» на север Погодин связывал с результатами монгольского завоевания. Старое население покинуло после монгольского завоевания разоренную Киевскую землю, переселилось на север. Поэтому-то, как казалось Погодину, песни о Владимире и его витязях поются в Архангельске, Владимире, Костроме и Сибири, в то время как на Украине они давно забыты. Поэтому все то, что связано с периодом Киевской Руси, так близко сердцу «великороссиян» и так непохоже на последующую украинскую историю.

Освободившиеся земли в Среднем Поднепровье были заселены, по мнению Погодина, новыми пришельцами. «Они пришли после Татар от Карпатских гор и заняли Киевскую губернию так, как потомки их в XVI ст. заняли Харьковскую, подвинулись к Воронежу и Курску».⁶ Язык этих выходцев из западных украинских земель и выступает, по мнению Погодина, в поздних памятниках украинской письменности.

¹ М. И. Погодин. Записка о древнем языке русском, (Письмо к И. И. Срезневскому). ИАН по Отд. русск. языка и словесности, ч. V, вып. 2, СПб., 1856, стр. 70—92.

² Там же, стр. 73.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 83.

⁶ Там же, стр. 81.

В нашу задачу отнюдь не входит разбор этой концепции по существу. Примитивность и ошибочность основных, исходных представлений в вопросах этно- и глоттогенеза в концепции Погодина сейчас слишком очевидны и едва ли требуют разъяснений. К тому же выступление Погодина интересует нас в данном случае лишь как начало длительной дискуссии по вопросу, который для самого Погодина отнюдь не был основным, — о роли монгольского завоевания для последующих судеб древней столицы Киевской Руси — города Киева.

Вскоре после появления «Записки» М. П. Погодина с резкой критикой его основных положений выступили представители тогдашней украинской науки, в первую очередь М. А. Максимович¹ и А. А. Котляревский.² Преодолевая, хотя и не без ошибок, филологическую часть доказательств Погодина, оба эти исследователя пытались со своих позиций объяснить поднятые Погодиным вопросы о сохранении былин киевского цикла на севере, о «национальном характере» исторических деятелей Киевской Руси, выдвигая в то же время и некоторые новые вопросы для защиты своих основных положений. Не входя в подробности этой длительной дискуссии,³ нередко обострявшейся постановкой больших национально-политических проблем, мы должны здесь все же подчеркнуть, что борясь с бесспорно ошибочной концепцией Погодина украинские историки и филологи 50—60-х годов прошлого века в полемическом задоре допускали и сами немало явных ошибок, в частности они безусловно ошибались в решении интересующего нас вопроса. Если Погодин для объяснения своего основного положения явно преувеличенно трактовал роль монгольского завоевания, то его оппоненты, особенно М. Максимович, впадали в обратную крайность — они доказывали, что роль монгольского завоевания для Украины была незначительна, что Киев не был разорен и разрушен, что на некоторое время лишь пало его значение, перешедшее к другим центрам, и т. п.

С новой силой и политической заостренностью вопрос о роли монгольского завоевания был поднят в трудах представителей украинской буржуазно-националистической историографии в последние десятилетия прошлого века. В начале 80-х годов в журнале «Киевская Старина» была опубликована статья В. Б. Антоновича «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие».⁴ «Одно из общих мест, установившихся с конца XVI столетия, — утверждал Антонович, — и вследствие частого повторения сделавшихся общепринятым историческим убеждением,

¹ М. А. М а к с и м о в и ч. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом. Русская беседа, 1857, кн. IV, стр. 22—35; Собр. соч., т. I, Киев, 1876, стр. 131—145. О филологической стороне спора с Погодиным см. также: Филологические, Ответные и Новые письма к Погодину Собр. соч., т. III, стр. 183 и сл.

² А. А. К о т л я р е в с к и й. Были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли или пришли из-за Карпат в XIV веке? «Основа», 1862, кн. IX; Собр. соч., т. I, СПб., 1893, стр. 624—637.

³ Вопрос о роли монгольского завоевания для последующей истории Украины породил, как известно, значительную литературу, в основной части посвященную проблемам языка. История вопроса и библиография изложены в статье Пыпиан «Спор южан и северян о малорусском языке» (Вестн. Европы, 1886, VI).

⁴ В. Б. А н т о н о в и ч. Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие. Киевская Старина, т. I, Киев, 1882, январь, стр. 223—264. Позже эта же статья была переиздана автором в сборнике его статей—Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I, Киев, 1885, стр. 223—264. Все дальнейшие ссылки делаются на последнее издание. Вскоре после выхода в свет названного сборника критический разбор основных положений В. Антоновича был сделан А. П. Соболевским в статье: К вопросу об исторических судьбах Киева. Унив. изв., Киев, 1885, № 8 (август), стр. 281—292.

составляет то мнение, будто после Батыева нашествия Киев был превращен в развалины, Киевская область совершенно опустела и перестала принимать какое бы то ни было участие в политической и культурной жизни Руси.¹

По мнению Антоновича, мысль о запустении южной Руси с XIII по XVI в. «не более, как исторический мираж».² «Батыево разорение, — утверждал он, — есть последнее постигшее Киев бедствие, записанное древними русскими летописями; затем после долгого перерыва, в XVI ст., путешественники, посещавшие Киев или писавшие о нем — Герберштейн, Гваньини, Лясотта, Гейденштейн и пр., — описывают развалины, загроздившие нагорную часть Киева, и сожалеют об упадке величия этого некогда знаменитого города».³ Антонович полагал, что еще в конце XVI в. появилось стремление связать записанное древними русскими летописцами известие о Батыевом нашествии с картиной разоренного города, открывавшейся перед глазами путешественников, как причину и следствие. С той поры и утвердилось ложное, по мнению Антоновича, убеждение о разорении Киева полчищами Батыя, тогда как в древних источниках о разрушении города нет никаких упоминаний, кроме известия о падении сводов Десятинной церкви.⁴

Собрав все немногочисленные летописные известия конца XIII—XIV вв., упоминающие о Киево-Печерском монастыре и Киево-Софийском соборе в связи с различными событиями церковной истории, Антонович полагал, что этих фактов достаточно для того, чтобы устранить убеждение о запустении Киева в конце XIII—XIV вв.

С наименьшей решительностью отстаивал эту же точку зрения признанный лидер украинской буржуазно-националистической историографии М. С. Грушевский.⁵ Справедливо возражая против погодинской теории о передвижении старого населения Киевской Руси под натиском татар на северо-восток, справедливо протестуя против теорий, распространяемых в польской историографии (Грабовский, Шайноха), о полном запустении Украины после татарского разгрома и о последующей сплошной колонизации ее поляками, Грушевский в то же время не только всячески старался умалить значение татарского нашествия, но и рассматривал татарское завоевание как благоприятный для дальнейшего развития украинского народа фактор, способствовавший созданию на Украине нового, своеобразного, в некотором смысле бесклассового общественного строя, который Грушевский называл «общинным».

«Я не могу признать за монгольским нашествием, — заявлял Грушевский, — решительного, фатального значения для состояния страны — я зато придаю ему большое значение в другом отношении — в отношении перестройки политико-общественных отношений».⁶ В результате татарского погрома, по мнению Грушевского, «население *нивеллировалось* вследствие обеднения и эмиграции богатого класса. Такая *нивеллировка содействовала большей демократизации общественных отношений и обратно — находила себе опору в строе демократической общины*»⁷ (курсив наш, — М. К.).

¹ В. Б. Антонович, ук. соч., стр. 223.

² Там же, стр. 224.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ М. Грушевский. История Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891, стр. 427—465.

⁶ Там же, стр. 443.

⁷ Там же, стр. 458—459. Анализ этой концепции Грушевского см. акад. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда. Л., 1937, стр. 177—179 и 199.

В вопросе о роли монгольского завоевания для последующих судеб Киева Грушевский полностью разделял и поддерживал точку зрения Антоновича: «... Мы не имеем твердых положительных оснований, — писал он, — для того, чтобы предполагать поголовное истребление и совершенное разорение, запустение Киева. *В ряду других разорений*, более или менее опустошительных, постигавших Киев, как разорения 1169, 1202, 1416, 1482 гг., и *погром 1240 г.* повредил благосостоянию, торговле города, уменьшил его население, может быть и в большей степени, чем другие, но *фатального значения приписывать ему мы не в праве*».¹

Грушевский усматривал в древних известиях о разгроме Киева не более чем литературный прием летописца, который, по его мнению, «одевал свои известия в готовые, шаблонные формы, мало заботясь о том, насколько соответствовали они действительности».²

Сохранившиеся, по словам Грушевского, «в целости» некоторые древние сооружения также приводили его к выводу о том, что «Киев не подвергся совершенному разорению».³ В числе этих «сохранившихся в целости» киевских памятников Грушевский называл Софийский собор, Выдубицкий, Михайловский Златоверхий и Печерский монастыри. Разорение Печерского монастыря, относимое летописцем XVII в. ко времени Батая, Грушевский связывал с разгромом Киева Эдигеем.⁴

II

Исследователи XIX в., обращавшиеся к вопросу о значении монгольского завоевания в истории Киева, вынуждены были решать его, основываясь исключительно на той или иной интерпретации довольно скудных летописных текстов. Если некоторые исследователи и пытались порою привлечь к решению проблемы отдельные архитектурные памятники Киева, то пользовались ими лишь в качестве дополнительной иллюстрации к своим сложившимся на анализе летописных известий представлениям.

Неисчислимы богатства археологических источников по истории города оставались для историков XIX в. почти недоступными, несмотря на то, что археологическое изучение Киева широко развернулось уже во второй четверти XIX в. Первый этап археологических работ в Киеве (20-е—40-е гг. XIX в.), большой размах которых был в значительной степени вызван огромными работами по реконструкции города, дал значительное количество разнообразных материалов, наполнивших собрания музеев Киева и отчасти попавших в столичные музеи. Но материалы эти были плохо систематизированы, исторически мало и слабо комментированы. Методика археологических работ, осуществлявшихся в основном любителями-дилетантами, стояла на крайне низком уровне. Нередко «раскопки» превращались в откровенное хищническое кладоискательство (Анненков, Турчанинова и др.). Все это в значительной мере обесценивало добытые в эту пору многочисленные и разнообразные по характеру памятники домонгольской истории Киева. Археологические работы второй половины XIX в., немногим отличавшиеся по методике, проводились к тому же в значительно меньших масштабах, представляя обычно лишь наблюдения за различными земляными работами в городе (Хойновский).

Археологическое исследование Киева, развивавшееся до начала нашего века как замкнутое вещеведение, было оторвано от исторической

¹ Там же, стр. 432.

² Там же, стр. 430.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 431.

науки; археологические источники расценивались историками Киева не больше, чем любопытные иллюстрации к тем или иным сложившимся концепциям.

Впервые в 1907—1908 гг. в раскопках В. В. Хвойки облик великокняжеского Киева был раскрыт в больших и ярких комплексах. Несмотря на несовершенство методики работ В. В. Хвойки, особенно по части фиксации самого процесса археологических исследований, несмотря на затруднительные условия, в которых протекали раскопки, проводившиеся на частновладельческих усадьбах, разрезавших территорию древнего Киева на маленькие участки, хозяева которых ставили ряд ограничительных условий, несмотря на то, наконец, что работы производились на частные скудные средства, — результаты были поистине блестящи и неожиданны. Вскрытые в 1907—1908 гг. в центре великокняжеского Киева остатки разрушенных княжеских дворцов, жилищ, ремесленных мастерских, древних погребений и пр. и пр. вызвали живой интерес в широких кругах общественности и привлекли, наконец, и внимание историков древней Руси к добытым раскопками новым материалам.¹

Среди комплексов, раскрытых раскопками В. В. Хвойки на усадьбе Петровского, т. е. в непосредственной близости к развалинам Десятинной церкви, исключительный интерес представляет для нас большая коллективная могила, которую исследователь рассматривал как погребение погибших защитников Десятинной церкви.²

Разрушение княжеского дворца и многочисленных жилищ и мастерских, находившихся возле Десятинной церкви, В. В. Хвойка относил к различному времени и с монгольским разгромом не связывал.

В 1908 г. в Киеве начались крупнейшие по размаху работы Археологической комиссии под руководством архитектора Д. В. Милеева, а после его смерти в 1914 г. — под руководством С. Вельмина. Раскопки эти велись систематически по широко задуманному плану, рассчитанному на десять лет. С 1908 по 1915 г. были осуществлены раскопки на различных участках древнего Киева, давшие огромный материал для характеристики великокняжеского периода в истории Киева и, в частности, ряд новых фактов и наблюдений по интересующему нас вопросу.

Еще более широкие масштабы археологические исследования Киева приобрели после Великой Октябрьской социалистической революции. Огромный размах работ, не стесненных границами частновладельческих усадеб, сочетался не только с новыми задачами исследований, но и с новой методикой. Вместо узких траншей, прорезывавших и разрушавших памятник, чем далее, тем больше внедрялась методика раскопок широкой площадью с задачей охватить по возможности полностью изучаемый комплекс. Но главной особенностью советских археологических исследований в Киеве была подчиненность раскопок задачам исторической науки, постановка и решение на археологических источниках больших исторических проблем. Новые исследования позволили во многом переоценить, осмыслить, по-новому комментировать и результаты предшествующих исследований.

¹ В. В. Хвойка. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913, стр. 63—75. Многочисленные информации столичной и киевской прессы давались неоднократно в сводках «Археологической хроники», печатавшейся в качестве прибавлений к «Известиям» Археологической комиссии. См.: Приб. к вып. 20, 26, 27, 31 и др. На раскопки в Киеве откликнулись и неспециальные журналы (см.: А. Савенко. Древнейший Киевский «город» и остатки дворцов великокняжеской эпохи. Исторический вестник, 1909, март, стр. 1176—1185).

² В. В. Хвойка, ук. соч., стр. 75.

Основные этапы исторического развития города, облик его яркой, своеобразной культуры раскрылись в результате исследований последних лет с исключительной убедительностью и полнотой, недостижимой ранее при изучении одних письменных источников.

С изумительной и неожиданной яркостью раскрылись в результате раскопок последних лет трагические страницы истории Киева, отобразившие ожесточенную битву за город в декабре 1240 г.

Еще в первые годы наших больших систематических раскопок в Киеве, начатых в 1938 г., нельзя было не обратить внимания на специфические черты, присущие своеобразной культурно-исторической стратиграфии древнего Киева. Несмотря на многочисленные раскопки предшествующих лет в Киеве, это своеобразие стратиграфии не было отмечено исследователями.

Раскопка широкой площадью на территории б. Михайловского Златоверхого монастыря в 1938 г. обратила наше внимание на отличие стратиграфии Киева от стратиграфии, столь привычной для исследователя северных русских городов. Исследователь, воспитанный на раскопках Новгорода, Старой Ладого, Пскова и других севернорусских городов, привык к тому, что под современным уровнем дневной поверхности города, медленно углубляясь вниз, он постепенно шаг за шагом раскрывает последовательные этапы истории поселения. Эту картину рисуют многолетние раскопки в Старой Ладоге и с еще большей полнотой раскопки в Великом Новгороде. Для стратиграфии Новгорода, как это известно из раскопок, проведенных в последние годы в различных районах города, характерны обычно довольно четко прослеживаемые слои, ведущие исследователя из века в век, иногда из десятилетия в десятилетие. Вскрытые раскопками на древней Холопьевой ул. девятнадцать уровней деревянных мостовых наглядно отображали историю городской улицы и примыкающих к ней усадеб на протяжении почти восьми столетий. С исключительной убедительностью аналогичная картина была вскрыта раскопками внутри Детинца, где постепенно нараставшие культурные напластования повторяли в течение нескольких столетий одну и ту же планировку района.¹

В противовес этому, в Киеве, где раскопки производятся в центре большого современного города, под верхним мощным слоем, отражающим, в основном, очень позднюю историю города XIX—XX вв., слоем, который отложился в результате бурной строительной и планировочной деятельности, развернувшейся в середине XIX в., под этим слоем, достигающим 1,5—2 м, исследователь нередко попадает непосредственно в слои, насыщенные находками великокняжеской эпохи.

Весьма нередки случаи, когда поздние слои XIX в. перекрывают (или перерезают) отлично сохранившиеся остатки жилых и производственных сооружений, развалины каменных дворцов, храмов и пр. Лишь иногда, далеко не во всех районах древнего Киева, между слоем XIX в., отражающим жизнь или строительные работы современного города, и древними великокняжескими слоями лежит прослойка, которая по составу находок может быть связана с Киевом XVII—XVIII вв.

На отдельных участках нам удавалось установить довольно мощные слои, относящиеся к XVII—XVIII вв., но необходимо подчеркнуть, что слои эти также лежали непосредственно на древних слоях великокняжеского Киева, иногда отделенные от них лишь незначительной, почти стерильной прослойкой. Нередки случаи, когда находки XVII в. попадают в ниже лежащих древних слоях и обратно, благодаря «диф-

¹М. К. Каргер. Основные итоги археологических исследований древнего Новгорода. СА, IX, 1947, стр. 148—149, 156—165.

фузии» этих смежных культурных пластов. Длительный период, отделяющий древний великокняжеский Киев XI—XIII вв. от Киева XVII—XVIII вв., в раскопках верхнего города, где только и проводились исследования, в культурно-исторической стратиграфии почти не представлен. Даже единичные находки XIV—XVI вв. представляют сравнительно редкое явление, что же касается остатков жилищ, мастерских, развалин каменных построек, то таковые до сих пор в раскопках не попадались.

Отметим, наконец, что хорошо сохранившиеся слои великокняжеского Киева лежат иногда на весьма небольшой глубине. Отдельные жилища начала XIII в. на территории Михайловского монастыря были открыты на глубине, не превышавшей 1 м.

Под охарактеризованными выше поздними напластованиями XVII—XVIII и XIX вв. перед исследователем Киева открывается (разумеется, по условиям сохранности это бывает не везде) поразительная по своей яркости, по своей полноте и документальной убедительности картина. Руины каменных построек дворцового характера, развалины храмов, сгоревшие или разрушенные жилища и мастерские, хозяйственные помещения и потайные хранилища, коллективные могилы с сотнями похороненных — все это несет на себе отпечаток страшного стихийного разрушения и гибели. Картина эта повторяется в различных районах верхнего города, что исключает возможность видеть в этом узко локальные явления.

Как известно всем занимающимся археологическим изучением поселений, степень сохранности городища или селища определяется в значительной мере обстоятельствами прекращения жизни на данном поселении, или, если таковая не прекращалась, условиями смены эпох в его историческом развитии.

Известно немало количество поселений, жители которых покинули их, уйдя куда-то в другое место, нередко при этом забрав с собою все свое основное имущество. Ярким примером подобного рода поселений является известное Боршевское городище на Дону,¹ жители которого покинули его, оставив в своих жилищах только битую посуду. При бедности инвентаря в городищах этого типа нередко отлично сохраняются заброшенные жилища. Неслучайно в таких городищах (Боршевское, Опошнянское² и др.) земляночные сооружения бывают видны, как заплывшие ямы, на современной поверхности, несмотря на то, что тысячелетие отделяет нас от конца жизни городища.

Гораздо более распространенным типом поселений являются городища (города), жизнь которых непрерывно длится многие столетия. Культурные слои на этих поселениях нарастают постепенно, частично разрушая остатки предшествующих периодов, частично погребая их под собою. Минувя большие катастрофы или крупные капитального характера перепланировки и реконструкции, город этого типа в стратиграфическом отношении представляет нередко сложнейшую картину перекрывающихся одно другим, нередко переплетающихся между собой напластований. Классическим образцом подобного рода поселений являются Новгород, Старая Ладога и другие.

Известен и третий тип поселений, представляющий для археолога наиболее заманчивый и увлекательный объект исследования. Жизнь этого типа поселений оборвалась катастрофически, единовременно или в очень короткий срок, после чего наступил период длительного заупустения, превративший былой город в «городище», село — в «селище».

¹ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА СССР, VIII, 1948.

² И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, XII, 1946, стр. 117—127.

Всемирно известным образцом такого поселения является засыпанная извержением вулкана Помпея. Она потому и стала нарицательным именем городищ этого типа. Катастрофа такого города как бы запечатлевает последние дни или часы его существования.

Такого рода поселения есть и на Руси. К их числу относится в первую очередь раскопанное в 1929—1934 гг. городище Райки на Украине.¹ Страшная катастрофа прервала жизнь этого небольшого городка в начале XIII в. Город был сожжен и разрушен. Жилища, крепостные стены, вся площадь городища покрыты сотнями человеческих скелетов.

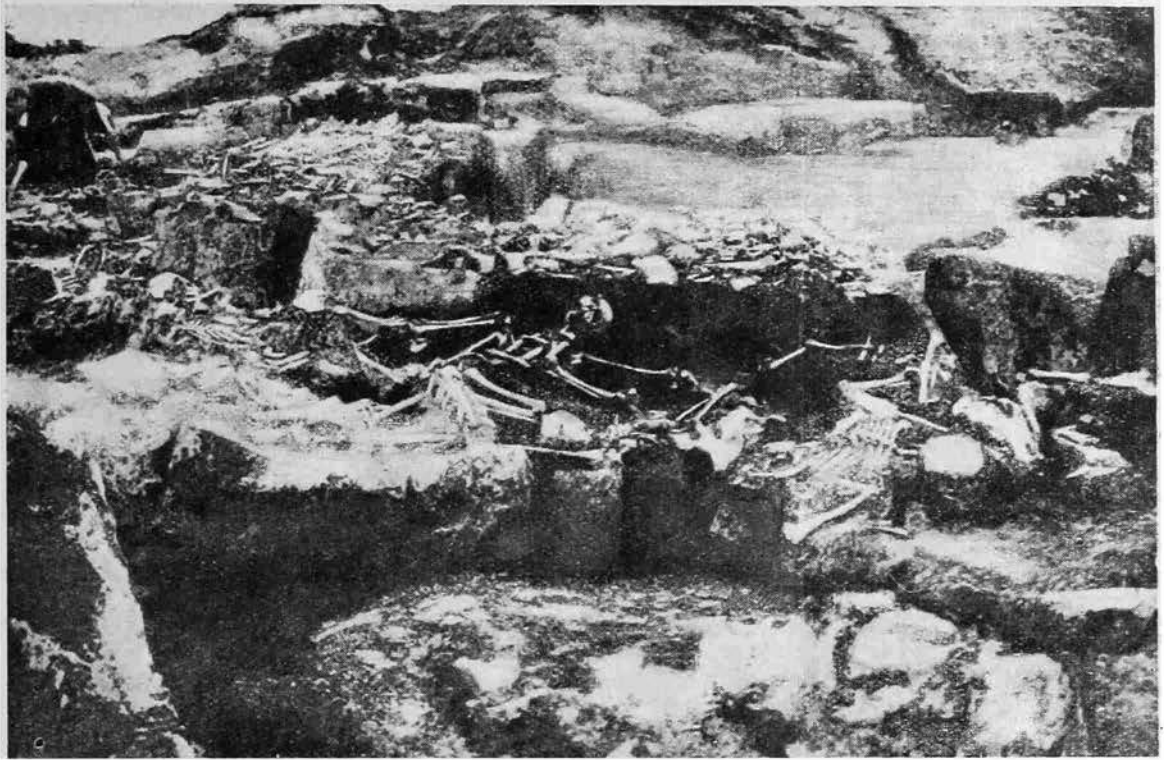

Рис. 1. Городище Райки. Общий вид после раскопок.

Раскопанная площадь городища представляла как бы сплошное поле битвы, повсюду распростерты скелеты непогребенных людей с перерубленными руками и ногами, с железными наконечниками стрел, воткнувшимися в кости (рис. 1 и 2). Другую часть населения гибель настигла под завалом горящих домов, в мастерских и подвалах (рис. 3).

В развалинах городища найдено огромное количество разнообразных вещей, характеризующих быт и культуру населения. Зброшенный городок вскоре превратился в «городище».

Итоги археологических исследований последних лет в Киеве привели нас к убеждению, что археологический облик древнего Киевского «городища», раскрывающийся с каждым годом все полнее и полнее, во многих отношениях напоминает городища третьего типа, в том числе обнаруживает много общего с судьбой городища Райки. Все это позволяет, на наш взгляд, заново пересмотреть вопрос о значении монгольского разгрома 1240 г. для последующей истории Киева.

¹ Ф. М. Мовчанівський. Райковецьке городище XI—XIII ст. Наукові Записки ІМК АН УССР, кн 5—6. Киев, 1935, стр. 125—178; В. К. Гончаров. Райковецьке феодальне городище XI—XIII ст. Вісник АН УССР, 1948, № 7, стр. 39—51.

Рис. 2. Городище Райки. Скелеты.

III

Нашими раскопками 1938 г. на территории б. Михайловского Златоверхого монастыря был вскрыт хорошо сохранившийся участок городского поселения, занятый развалинами жилых, хозяйственных и производственных сооружений XII—XIII вв., представляющих большой интерес как для истории древнерусского жилища, так и для характеристики быта городского населения и особенно для истории городского ремесла.¹

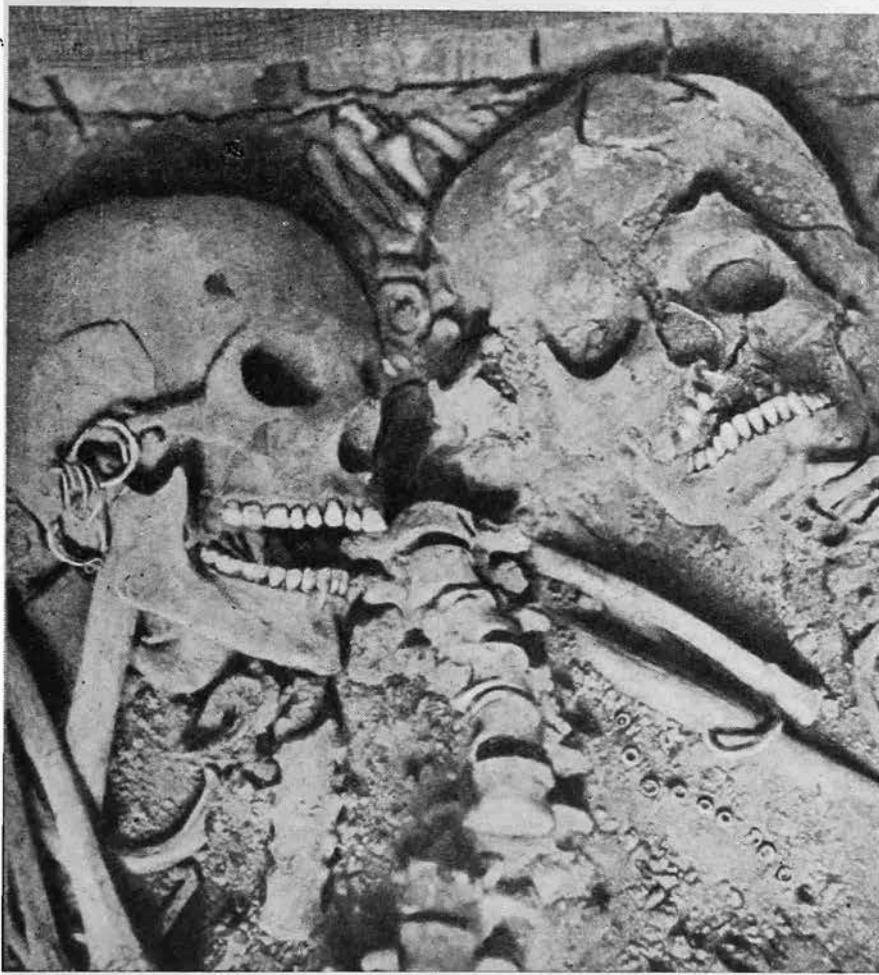

Рис. 3. Городище Райки. Скелеты людей, погибших в жилище.

Весь раскрытый комплекс, состоявший из восьми полуземляночного типа жилищ и различных хозяйственных сооружений, в основном одновременен и относится, судя по инвентарю, к концу XII—началу XIII вв.

В пользу этой датировки говорит не только керамика, найденная в многочисленных фрагментах и целыми сосудами, но и ряд типичных для киевской культуры XII—XIII вв. находок — медная булава, светильники, стеклянные браслеты, крест-энколпион с надписью «Богородица помогай», византийская монета XII в. и пр.

¹ М. К. Каргер. Землянка-мастерская киевского художника XIII в. КСИИМК, XI, 1945, стр. 6. Подробный отчет о раскопках 1938 г. в настоящее время в печати.

Чрезвычайно важно было установить, когда и при каких обстоятельствах перестал существовать этот район города. Почти на всех раскопанных землянках были видны следы большого стихийного пожара. Особенно ясна была картина пожара в наиболее хорошо сохранившейся землянке VIII, замечательный инвентарь которой позволил дать ей название «землянки художника»¹ (рис. 4). Все деревянные предметы и деревянные части самой постройки, сохранившиеся под обвалом, носили следы сильного огня. Действию огня подверглись даже металлические предметы, найденные в этой землянке. Судя по огромному количеству

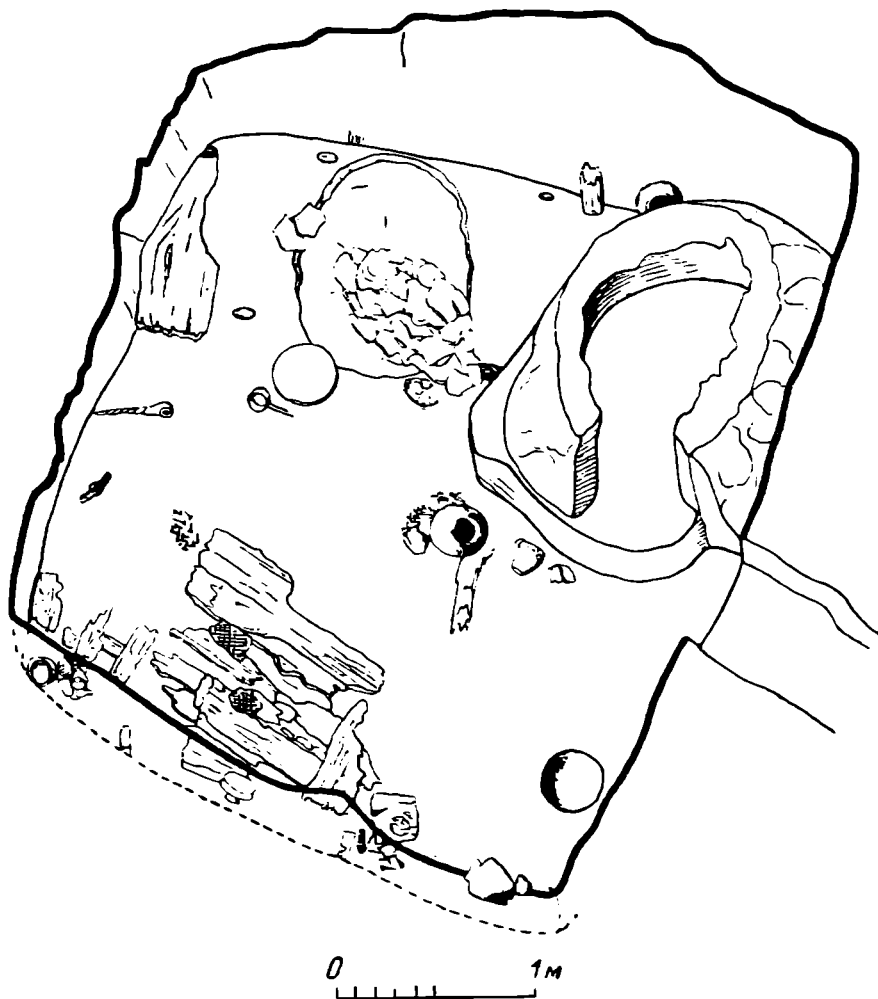

Рис. 4. Киев. Землянка VIII на ус. Михайловского Златоверхого монастыря. Аксонометрия.

вещей, оставшихся под обвалом, среди которых, кроме глиняной посуды (рис. 5 и 6), были и такие драгоценные вещи, как янтарь (сырье и полуфабрикаты) в количестве около 600 г (рис. 7), серебряная лунница (рис. 8, а), бронзовая лампада (рис. 8, б), медные кресты-энколпионы (рис. 9), булава (рис. 10), полный набор столярных инструментов (рис. 11), горшочки с красками (рис. 12) и пр., — хозяева землянки не только отсутствовали во время гибели их жилища, но по каким-то причинам не могли вернуться на пепелище, чтобы извлечь из-под обвала хотя бы драгоценные вещи, ставшие благодаря этому достоянием науки. Дверь в жилище была заперта. Об этом свидетельствует не только сохранив-

¹ Там же, стр. 14

шийся замок, висевший на петле со скобой (рис. 13), но и еще один факт. На полу землянки был обнаружен полуобгоревший скелет кота, не сумевшего выбраться из горящего запертого жилища. Подле «землянки художника» был найден детский скелет, на руке которого сохранились три стеклянных браслета (рис. 14). Первоначально казалось непонятным это «погребение» у самой стены жилища. Позже стало ясно, что это скелет ребенка, засыпанного обвалом и погибшего во время пожара жилища.

При изучении стратиграфии всего раскопанного участка бросалось в глаза, что над слоем XII—XIII вв. нет культурных напластований XIV—XVI вв. Запавшие гумусом сгоревшие землянки, повидимому, в течение долгого времени оставались нетронутыми. Они были перекрыты небольшим напластованием культурных слоев только в значительно более позднее время — в XVII—XVIII вв.

Рис. 5. Киев. Землянка VIII. Глиняная посуда.

Они были перекрыты небольшим напластованием культурных слоев только в значительно более позднее время — в XVII—XVIII вв.

Еще в предварительном отчете о раскопках нами было высказано предположение, что стихийный пожар в начале XIII в., прервавший на много столетий кипучую жизнь этого района, был связан с разгромом Киева татарскими полчищами в декабре 1240 г.¹

Нашими раскопками 1946 г. на Б. Житомирской улице² был вскрыт меньший, чем в 1938 г., участок городского поселения, но раскопанные здесь два полуземляночных жилища явились значительным дополнением к той картине, которая была раскрыта в 1938 г. на территории б. Михайловского монастыря. Состав инвентаря обоих жилищ и особенно

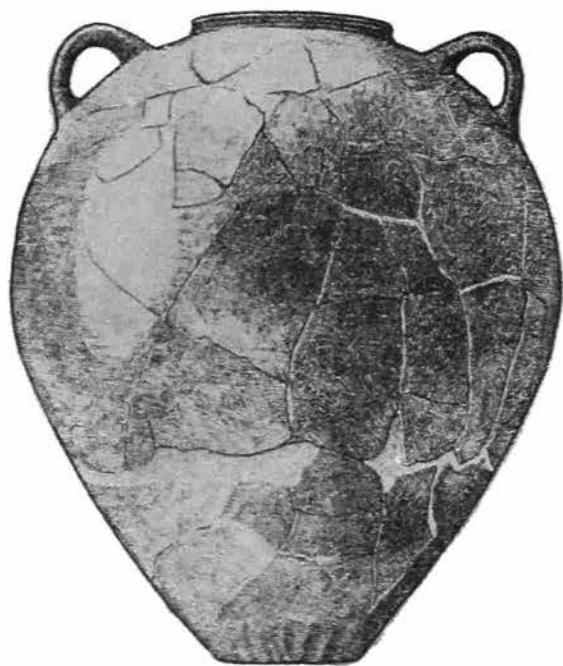

Рис. 6. Киев. Землянка VIII. Глиняный сосуд с зерном.

¹ М. К. Каргер. Отчет о раскопках 1938 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря. Архив Института археологии АН УССР; он же. Землянка киевского художника, стр. 15; он же. Раскопки древнего Киева. Наука и жизнь, 1940, № 2, стр. 39—40.

² М. К. Каргер. Отчет о работах Киевской археологической экспедиции 1946 г. Археология, т. III. Киев (в печати).

обстоятельства гибели их в стихийном пожаре, сопровождавшемся ожесточенным сражением, — все это близко напоминало картину стихийной катастрофы, постигшей жилища, раскопанные в 1938 г.

Оба жилища по своему характеру относятся к широко распространен-

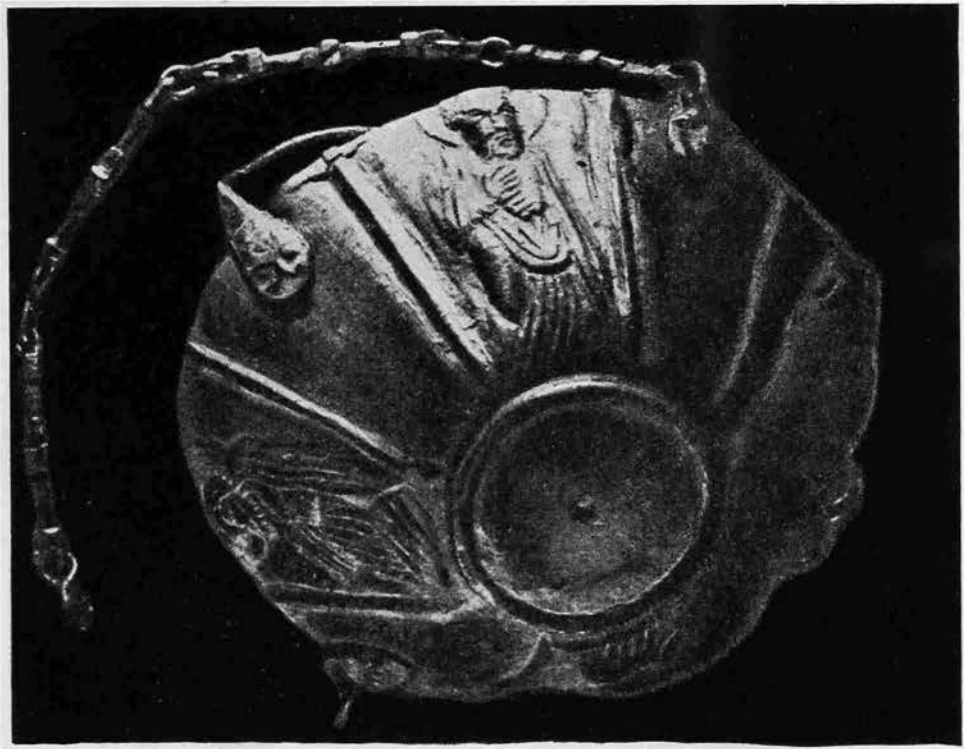

Рис. 7. Киев. Землянка VIII. Янтарь (сырье и полуфабрикаты).

ному в Киевской Руси типу полуземляночных построек с глинобитными стенами, возводившимися над вырезанным в материке прямоугольным углублением (рис. 15 и 16). Одно из жилищ было несколько больше по площади, чем второе, представляя сравнительно большую среди известных доныне киевских жилищ постройку.

а

б

Рис. 8. Киев. Землянка VIII.
а — серебряная лунница, б — бронзовая лампада.

На полу жилищ под обвалами сгоревших деревянных верхних частей найден разнообразный бытовой инвентарь, находившийся там в момент катастрофы. В жилищах найдены, наряду с целыми сосудами, многочисленные обломки глиняной посуды (рис. 17 и 18), разнообразные

Рис. 9. Киев. Землянка VIII. Медные кресты-энколпионы.

железные изделия, в том числе две косы (рис. 19), серп (рис. 20), безмен, замки (рис. 21), железные оковки заступов (рис. 22), дверная цепь, долото, сверло, скобель (рис. 23), несколько ножей. Найдены многочисленные фрагменты обуглившейся ткани, крест-энколпион с черневыми

изображениями (рис. 24, а, б), хрустальные шаровидные бусы, множество обгоревших деревянных предметов, запасы разнообразных злаков и пр. Все вещи в обоих жилищах несли на себе следы действия огня.

Наиболее неожиданной была находка, сделанная при зачистке пода глиняной печи в жилище II. В печи лежали на боку скелеты двух прижавшихся друг к другу людей с поджатыми ногами. На шее у одного из них сохранились два миниатюрных крестика — медный и янтарный. Необычная находка в печи раскрыла с изумительной образностью трагический характер гибели жилища. С неменьшей силой об этом свидетельствовало также значительное скопление человеческих скелетов, лежавших в два-три-четыре слоя один над другим на завале обгорелого дерева и пережженной глины в жилище I. Некоторые скелеты лежали ничком, нередко с широко раскинутыми ногами, с разнообразным положением рук (рис. 25). Среди скелетов два резко отличались от остальных характерным монгольским типом черепа.

Оба жилища расположены на одной прямой линии и имеют одинаковую ориентировку. Ниже мы попытаемся разобраться несколько

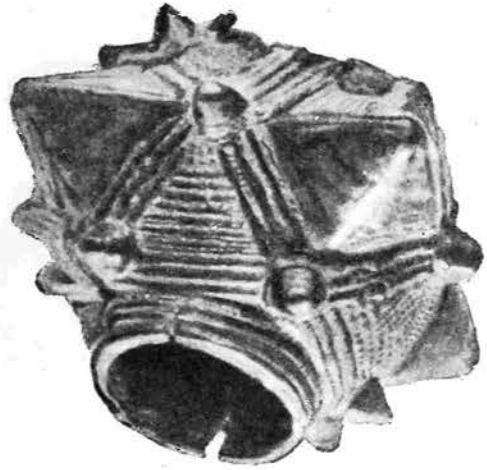

Рис. 10. Киев. Землянка VIII. Булава.

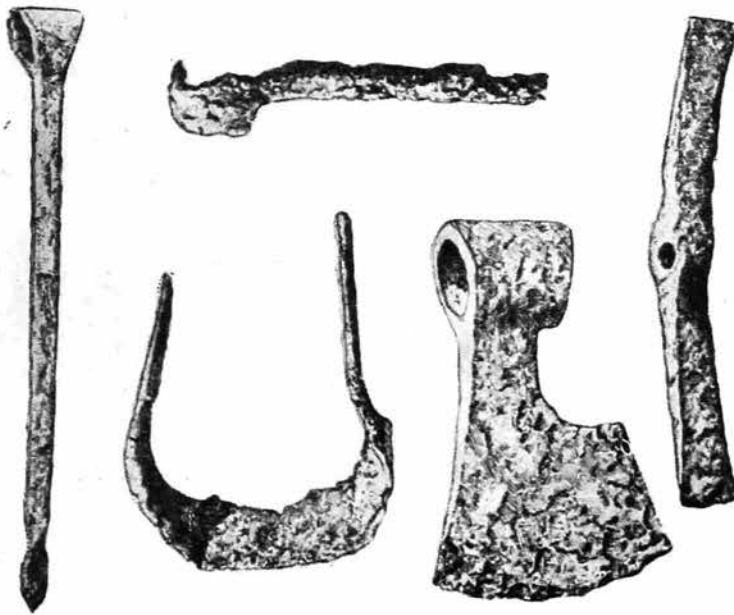

Рис. 11. Киев. Землянка VIII. Набор столярных инструментов.

глубже в обстоятельствах гибели этих жилищ, расположенных в нескольких метрах одно от другого. Здесь отметим лишь, что жилища расположены в границах города Владимира в непосредственной близости от укре-

плений в районе так называемых Батыевых ворот, соединявших город Владимира с городом Ярославом.

Не менее ярким памятником трагической истории борьбы за Киев в декабре 1240 г. является раскопанный нами в 1939 г. тайник под разва-

Рис. 12. Киев. Землянка VIII. Горшочки с красками.

линами Десятинной церкви.¹ Напомню лишь в основных чертах результаты раскопок тайника. В западной части центрального нефа развалин Десятинной церкви при зачистке уровня древнего пола была обнаружена

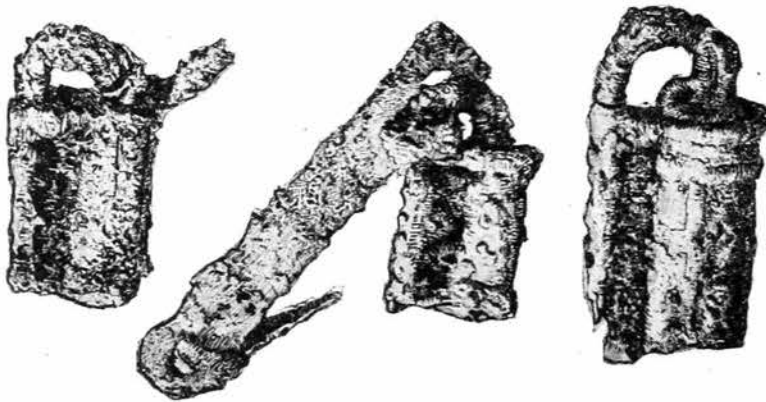

Рис. 13. Киев. Землянка VIII. Замки.

квадратная в плане яма, заполнение которой, начиная с глубины 0.20—0.30 м, состояло в основном из обломков древних строительных материалов: кирпича, раствора, камня, половых плиток с поливой, шифера, мрамора, фрагментов фресок и пр. Среди этих строительных материалов попадались в большом количестве железные кованые гвозди, петли

¹ М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. СИИМК, X, 1941, стр. 75—85.

и бесформенные куски перержавевшего железа, фрагменты древних круглых оконных стекол с загнутым бортиком, нередко искривленных от действия огня, куски расплавленного свинца и пр. Необходимо подчеркнуть, что уже в самых верхних слоях этой ямы не было встречено ни одного позднего предмета.¹

На глубине около 1.00 м обнаружился целый завал кладки здания X—XI вв. Здесь найдены: огромное количество древнего плиточного кирпича (плинфы), фрагменты штукатурки, покрытой фресковой росписью, большие куски древнего известкового раствора, розоватого от примеси толченого кирпича, куски шифера, известняка, мрамора, оббитая капитель с четырехгранным отверстием, залитым свинцом. Тут же были найдены два больших куска кладки стен. Один из них представлял собой фрагмент двухступчатой ниши с полуциркульным верхом, на втором большом блоке кладки сохранилась штукатурка с древней росписью. И на этом уровне встречалось много обожженного дерева, железа, гвоздей.

Ниже, на глубине 1.40—2.00 м, было найдено 36 фрагментов литейных формочек, вырезанных из сланца. Из фрагментов удалось собрать и склеить шестнадцать формочек для отливки различных украшений. Большая часть формочек служила для отливки трехбусинных серег (рис. 26), три формочки — для отливки звездчатых колтов, две — для колтов с изображением зверя, одна — для браслета (рис. 27). На глубине 1.20 м в завале древних строительных материалов найден скелет собаки, на глубине 1.80—2.20 м — человеческие кости двух взрослых людей и одного подростка. На глубине 2.40 м среди обломков строительных материалов обнаружен горизонтально лежавший железный меч с отломанной рукоятью и острым концом (рис. 28, б, в).

Начиная с этой глубины, находки вещей становились все более многочисленными. На различных горизонтах были найдены железный шлем (рис. 28, а), бронзовый энколпион с изображением распятия на одной стороне и Богоматери на другой (рис. 29), ажурная бронзовая подвеска типа игольников, бронзовый наперсток, железный топор с остатками обгорелой рукояти во втулке, глиняный сосуд с двумя ушками, несколько железных ножей, железная дужка и обручи от деревянного ведра, стеклянный браслет, четыре ключа.

На глубине 4.40—4.45 м лежал сплошной слой угля и обгоревших кусков дерева. В этом слое, несколько ниже, обнаружены вновь кости от двух человеческих скелетов, очень плохой сохранности. Один скелет старой женщины, второй — молодого человека 17—18 лет.

Около первого костяка обнаружено большое количество кожи и фрагменты ткани (рис. 30, 31), среди которых лежали шесть серебряных

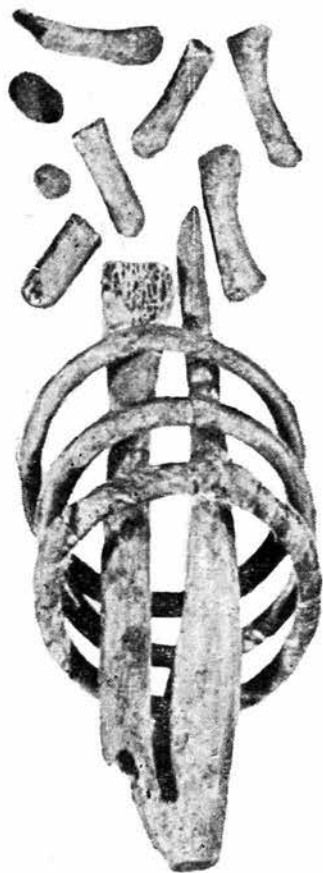

Рис. 14. Киев. Землянка VIII. Кости детской руки с браслетами.

¹ Там же, стр. 75.

Рис. 15. Киев. Землянка I на Б. Житомирской ул.

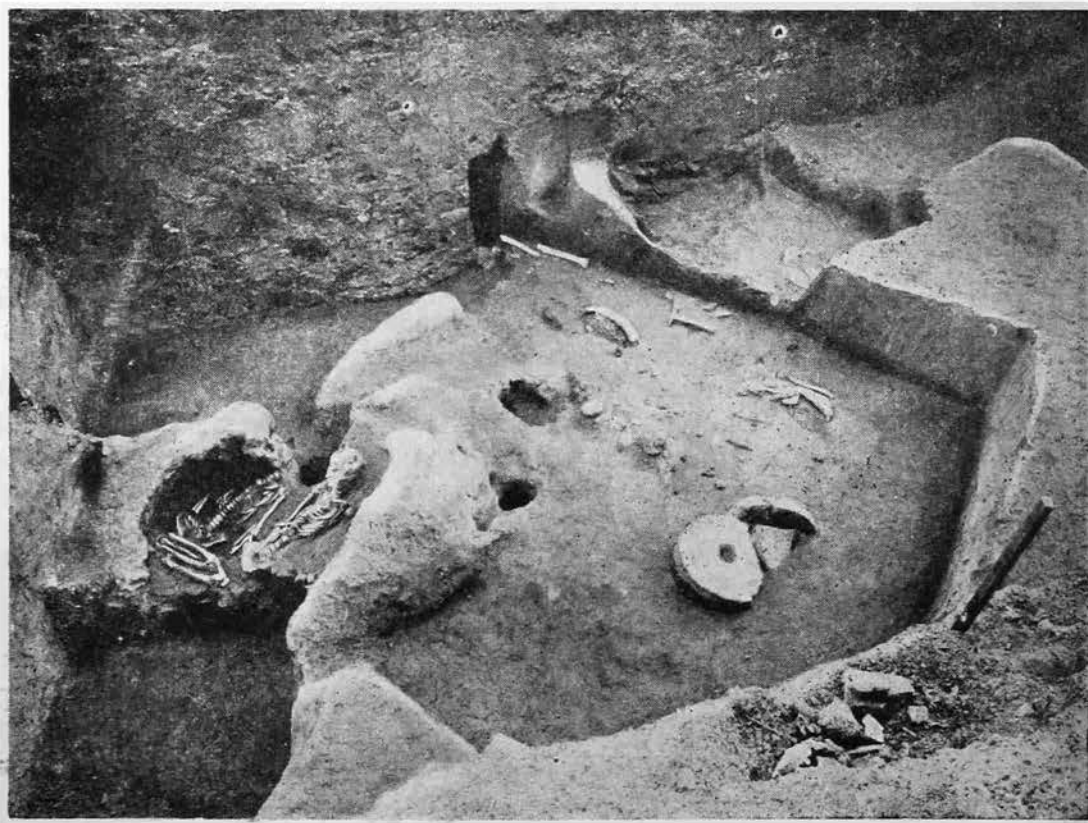

Рис. 16. Киев. Землянка II на Б. Житомирской ул.

медальонов с черневыми изображениями святых. Рядом лежала целая груда кусков кожи и тканей с нашитыми орнаментированными золотыми

Рис. 17 Киев, Землянка I. Глиняные сосуды.

бляшками с нитями мелкого жемчуга (рис. 32). Под тканями — плетеная серебряная гривна (рис. 33), венецианская монета дожа Дандоло (1192—

Рис. 18. Киев, Землянка I. Глиняный сосуд.

Рис. 19. Киев, Землянка II. Железные косы.

1205), с припаянным ушком для подвески, золотой перстень со сканью и драгоценными камнями, обломки серебряных трехбусинных аграфов, несколько крестиков-курсунчиков и любопытная ладонка, представля-

ющая две тонких дощечки с вырубками по краям для перевязки дощечек шнурком. Между дощечками хорошо сохранились высохшие листья.

На том же уровне в углу ямы лежали обгорелые плетеные из лыка шнуры. Тут же найдены обгорелые фрагменты большого деревянного блюда, покрытого резным рисунком (рис. 34).

Еще ниже, в слое рыхлого лёсса были обнаружены: второй железный топор (рис. 35), железная дужка от второго ведра (рис. 36) и два

Рис. 20. Киев. Землянка II. Железный серп.

Рис. 21. Киев. Землянки I и II. Замки.

деревянных заступа с железной оковкой. Оба заступа были вертикально воткнуты в землю.

На глубине 4.60 м от уровня древнего пола Десятинной церкви засыпь ямы кончилась, и открылось дно из плотного материкового лёсса.

Все сооружение представляло вырытый в материковом лёссе почти квадратный в плане колодец (рис. 37), глубиной около 5.00 м, в двух углах которого по диагонали сделаны небольшие ниши. В северо-восточной нише найден скелет (второй) собаки и неполный человеческий скелет.

У самого дна колодца начинается ход под северную стенку, однако ход этот был прорыт всего на 1.00 м и почему-то не был закончен.

Изучение этого загадочного сооружения привело нас к выводу,¹ что раскопанный под развалинами Десятинной церкви колодец представляет

Рис. 22. Киев. Землянка I. Железные оковки заступов.

древний тайник, служивший или для хранения драгоценностей, или же для каких-либо других целей. Невозможно установить, когда он был сооружен, но, во всяком случае, это было уже после постройки церкви, так как до постройки церкви территорию занимал языческий курганный могильник.

Однако в данном случае нас интересует не столько дата сооружения тайника, сколько дата его гибели. Изучение многочисленного и разнообразного инвентаря, найденного в тайнике, не оставляет ни малейших сомнений, что все перечисленные вещи относятся к XII—XIII вв., за исключением строительных материалов, которыми в основном был засыпан тайник. Строительные материалы происходили явно из самой Десятинной церкви, обвалом стен и сводов которой был завален тайник.

Трагическая картина гибели находившихся в тайнике людей, на наш взгляд, представляет одну из конкретнейших иллюстраций к летописному рассказу о последних часах обороны древнего Киева. К этому рассказу обратимся несколько позже.

Рис. 23. Киев. Землянка II. Скобель.

¹ Там же, стр. 83—85.

К востоку от развалин Десятинной церкви раскопками В. В. Хвойки обнаружена большая братская могила.¹ Она расположена на том же месте, где были открыты остатки каменного княжеского дворца. К сожалению, статиграфическое соотношение могилы и развалин дворца не было достаточно охарактеризовано исследователем. В могиле, по словам В. В. Хвойки, «было обнаружено огромное количество человеческих костяков обоих полов и разных возрастов, начиная с младенческого. Некоторые черепа были рассечены и разломаны; у некоторых покойни-

Рис. 24. Киев. Землянка I. Крест-эпколпион с черневыми изображениями.
а — лицевая сторона, б — оборотная.

ков на шеях оказались кресты, а на руках нескольких детских костяков были надеты стеклянные браслеты. Над этой грудой костяков на небольшом расстоянии от поверхности земли лежал скелет татарина, характерный монгольский череп которого оказался рассеченным боевым топором. На дне братской могилы, под костяками, на остатках древних фундаментов некогда стоявшего здесь здания был обнаружен в высшей степени интересный крест греческой работы; длина его в продольном измерении 62 см, в поперечном — 40 см, а длина части железного стержня внизу креста — 10 см. Крест покрыт серебряной пластинкой, и, как можно заключить по остаткам металлических ячеек, был украшен по краям дорогими камнями и разноцветной эмалью. На средней части креста находится медальон с изображением святого и греческой надписью «св. Феодор».²

¹ В. Хвойка, ук. соч., стр. 75.

² Там же.

В. В. Хвойка высказывал предположение, что крест, найденный на дне братской могилы, являлся «запрестольным крестом Десятиной церкви и был положен в братскую могилу последними защитниками

Рис. 25. Киев. Землянка I. Скелеты защитников Киева, убитых татарами.

Киева, оставшимися в живых, из опасения, чтобы почитаемая ими святыня не попала в руки неверных».¹

Недалеко от описанной могилы в 1892 г. при земляных работах на усадьбе Кривцова (б. Трубецкого) была обнаружена вторая братская могила.

¹ Там же.

Судя по описанию И. Хойновского,¹ на глубине 3,5 аршин открылся сплошной пласт человеческих скелетов, сваленных в ров протяжением

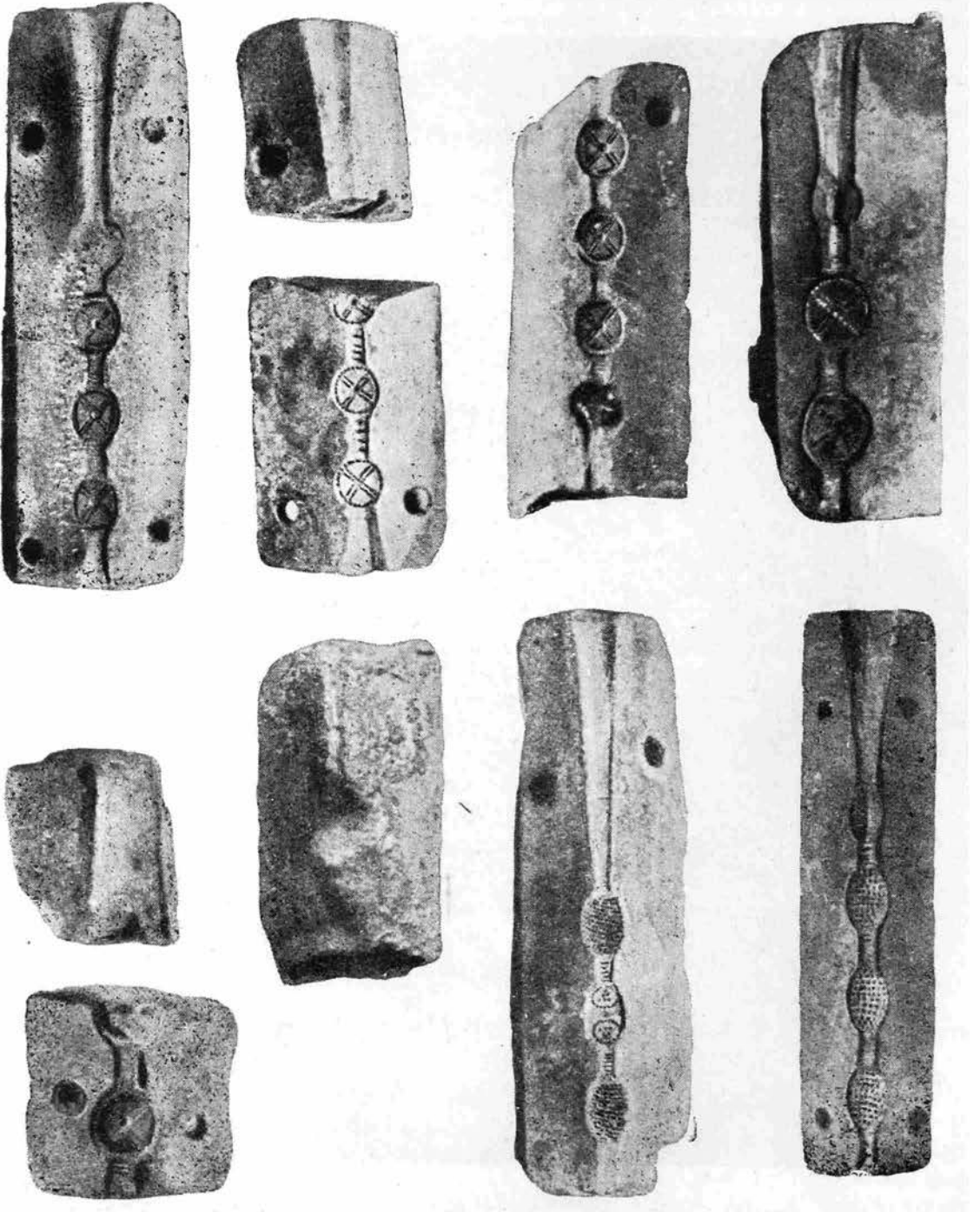

Рис. 26. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Литейные формочки.

около 20 аршин, при аршинной толщине слоя. И. Хойновский утверждал, что сплошная масса костей, заполнивших ров, «оказалась здесь потому, что монголы, избив киевлян в последний час борьбы и сняв с них одежду

¹ И. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора. Киев, 1893, стр. 16 и табл. I, рис. 2.

и все, что они при себе имели, снесли тела их в этот ров и присыпали землей».¹

Повидимому, продолжение этой же могилы было раскрыто раскопками Д. В. Милеева на углу Владимирской и Трехсвятительской улиц (рис. 38).

Огромная братская могила, вмещавшая около 4 тысяч скелетов, была обнаружена в 1870 г. на Подоле в районе Кирилловской улицы,

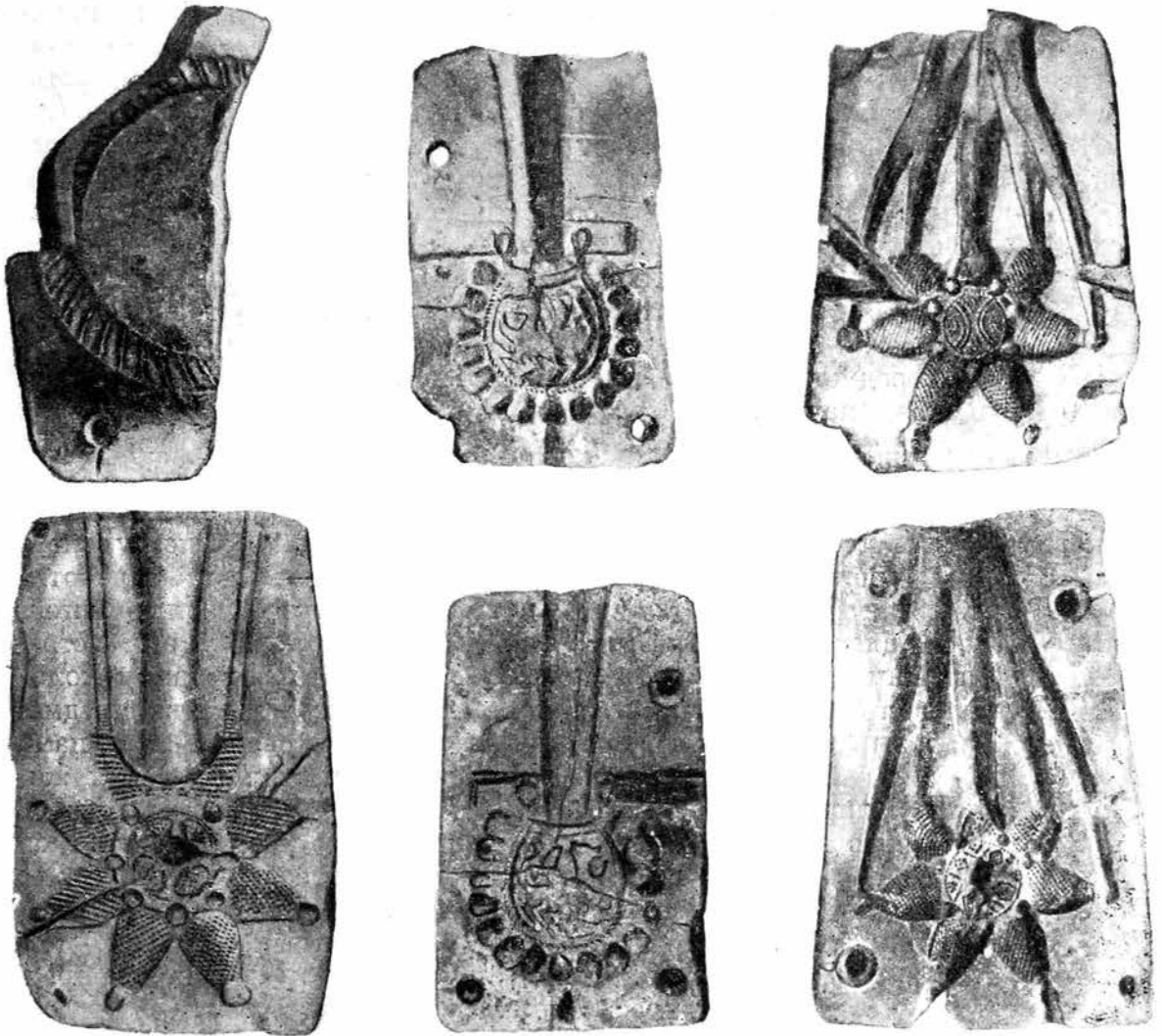

Рис. 27. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Литейные формочки.

на территории пивоваренного завода. По свидетельству В. Антоновича,² несмотря на огромное количество покойников, среди костей найдено было ничтожное количество предметов: это были маленькие мраморные крестики, обломки стеклянных браслетов, черепки от остродонных амфор, несколько бронзовых перстней и т. п. Кроме мелких предметов среди костей было найдено также два железных меча.

¹ Там же, стр. 16.

² В. Антонович. Обзор предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в Музее древностей и Мюнц-кабинете университета св. Владимира. Киевская Старина, т. XXII, 1888, июль, стр. 130—131.

Связана ли эта могила на Подоле с событиями татарского разгрома Киева — сказать с уверенностью нельзя. Хотя летописный рассказ об осаде и штурме Киева связывает основные моменты борьбы за город только с верхним городом, участие жителей Подола в сражении за город более чем правдоподобно. Не исключена также возможность видеть в огромной братской могиле на Подоле результат расправы татар с горожанами уже после взятия города.

Картина страшной катастрофы, превратившей огромный цветущий город в дымящиеся развалины, раскрывающаяся с исключительной яркостью и документальной убедительностью в описанных выше комплексах, находит подтверждение и в целом ряде других фактов, установленных раскопками в различных районах Киева.

Раскопками В. В. Хвойки в 1907—1908 гг., раскопками Д. В. Милеева в 1908—1914 гг., раскопками Института археологии АН УССР в 1936—1937 гг. вскрыто значительное количество древних жилищ, мастерских, различных хозяйственных построек. Под развалинами многих из этих сооружений сохранился многочисленный и разнообразный инвентарь, находившийся в них в момент разрушения. Запасы зерна, муки, глиняная и деревянная посуда, нередко с остатками пищи, разнообразные бытовые предметы, находящиеся в жилищах, свидетельствуют о том, что разрушение значительной части жилищ, раскопанных в верхнем Киеве, произошло также в результате стихийной катастрофы, после которой разрушенные постройки не восстанавливались.

Характерной чертой раскопанных в Киеве построек является обилие находимых в них и возле них разнообразных орудий и инструментов ремесленного производства — различные инструменты по обработке дерева, тигли для плавки металла, матрицы и многочисленные литейные формочки для отливки разнообразных украшений. Все это встречается в развалинах жилищ и мастерских столь часто и в таком количестве, что невольно возникает мысль о том, что владельцы этих предметов не только вынуждены были бросить их вместе со своими жилищами на произвол судьбы, но и не смогли вернуться на развалины своих жилищ за этими ценными для них вещами.

Один из ремесленников, живших, повидимому, возле Десятинной церкви, укрывшийся за каменными стенами храма, успел унести с собою почти весь драгоценный для него набор формочек. Но катастрофа настигла его в самом храме. 36 фрагментов формочек, найденных в тайнике под развалинами храма вместе с костяком хозяина, в одном отношении представляют для нас особый интерес. Одна из найденных возле землянок-мастерских формочек для отливки трехбусинных серег явно принадлежит к тому же набору, который оказался в тайнике.¹ Связь между разрушенными жилищами-мастерскими возле Десятинной церкви и тайником стала очевидной. Все это приводит нас к выводу, что значительная часть обнаруженных раскопками жилищ, мастерских, развалин каменных дворцов и храмов, отличающихся хорошей сохранностью и обилием находок, была разорена и заброшена после монгольского разгрома 1240 г.

Значительная часть находок, обнаруживаемых раскопками в различных районах Киева, отличается исключительной близостью, порой тождественностью форм различных предметов. Это наблюдение касается керамики, железных изделий, изделий из кости, различных орудий ремесленного производства и пр. Было время, когда многие материалы из

¹ Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. Доклад, читанный на заседании Сектора древней Руси ЛОИИМК.

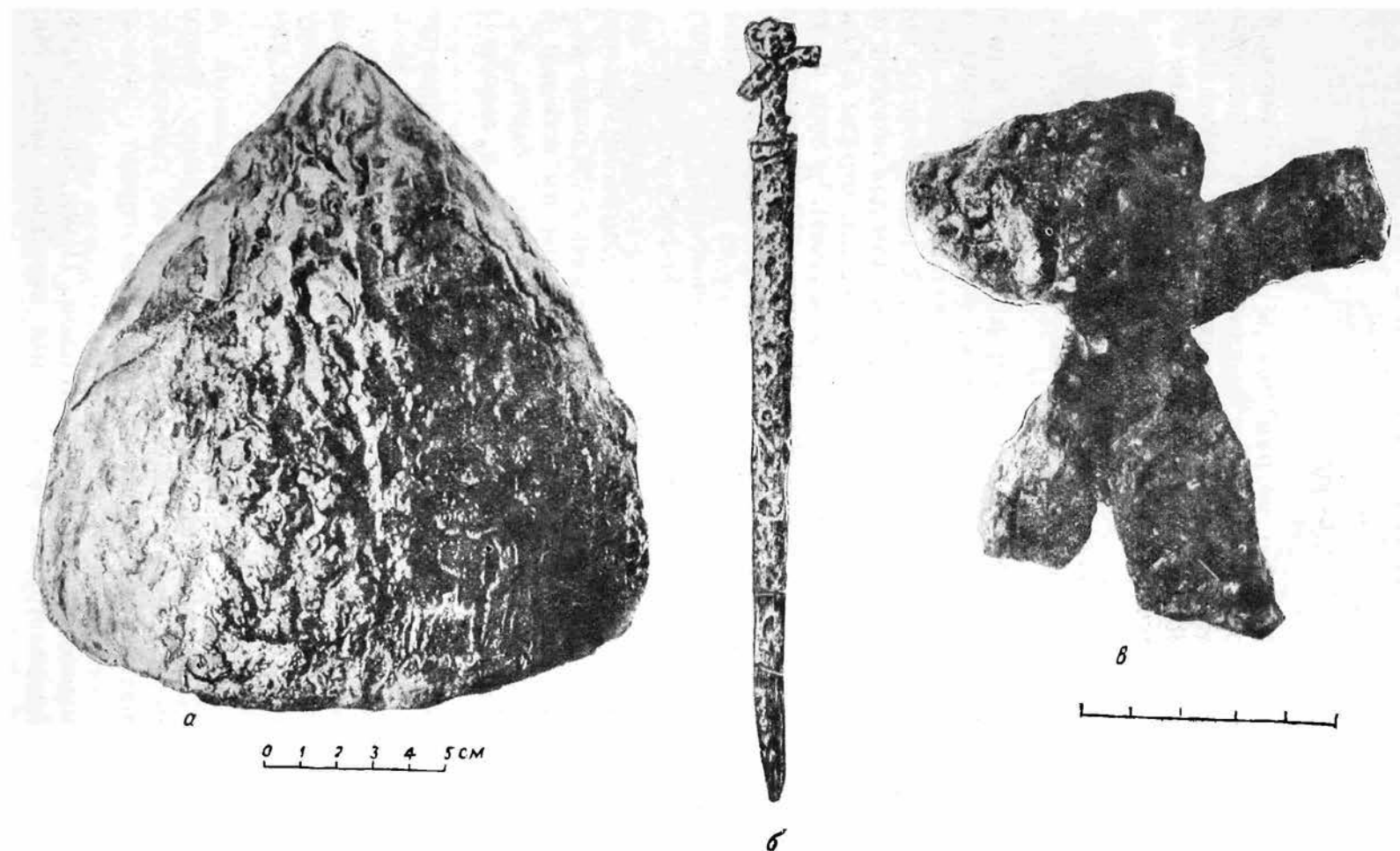

Рис. 28. Киев. Десятинная церковь. Тайник.
а — шлем, б — железный меч, в — рукоять меча.

киевских раскопок датировались слишком широко: от XI до XIII вв. В действительности, значительная часть киевских находок относится к последней поре истории города и потому хронологически может быть определена в более узких границах: XII—начало XIII вв.

IV

Летописное повествование о втором походе Бату на Южную Русь отличается, как известно, краткостью и недостаточной определенностью в хронологии. Именно этим вызваны разноречивые даты взятия татарами Киева, отсутствие точной даты падения Чернигова, Переяславля и ряд других неясностей в изучении этих насыщенных событиями лет истории Южной Руси.

Основные контуры исторических событий, предшествовавших падению Киева, на основе летописных известий обрисовываются, однако, достаточно отчетливо.

Разгромив в 1236—1238 гг. Болгарское царство, опустошив и разорив Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли, татарские полчища хана Бату повернули на юго-восток. Разбив войска половецкого хана Котяна, татары удалились за Волгу. Здесь в половецких (кипчакских) степях оставались они около года, очевидно, накапливая силы для нового и окончательного удара. Оттуда Бату посылал пока отдельные отряды в Южную Русь («оттуда же поча посылати на грады русьские»).¹ Один из таких отрядов взял и разрушил Переяславль и Чернигов. Южнорусский летописец повествует об этом драматично, но не определяя точных дат событий: «Взят град Переяславль копьемъ изби весь и церковь архангела Михайла скруши и сосуды церьковныя бещисленныя златыя и драгаго каменя взят и епископа преподобнаго Семеона убиша».²

Не менее трагична была судьба другого старейшего города южной Руси — Чернигова: «В то же время посла на Чернигов обьступиша град в силе тяжце слышав же Мьстислав Глебовичь нападение на град иноплеменных приде на ны со всеми вой бившимся им побежен бысть Мьстислав и множество от вой его избьеным бысть и град взяша и запалиша огньм епископа оставиша жива и ведоша и во Глухов».³

Повидимому, во время этого набега на крупнейшие южно-русские города один из татарских отрядов под командованием хана Менгу — двоюродного брата Бату — подошел к самому Киеву. Царственная красота и величие древней столицы Руси произвели огромное впечатление на татар. «Меньгуканови же пришедшу сглядат град Києва ставшу же ему на оной стране Днепра во градька Песочнаго видив град удивися красоте его и величеству его. . .».⁴

Менгу-хан, повидимому, не решился штурмовать огромный город, но сделал попытку «прельстити» киевлян и князя Михаила Всеволодовича, сидевшего тогда на киевском столе. Попытки не увенчались успехом — «не послушаша его». Предложение о сдаче города было отвергнуто.

Смертельная опасность нависла над Киевом. Перед лицом наступающих грозных событий струсил незадачливый киевский князь Михаил,

¹ Ипат. летоп., под 6745 (1237) г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

убежавший вскоре в Угры. После его бегства на киевский стол сел один из смоленских князей Ростислав Мстиславич, повидимому воспользовавшийся сложившейся обстановкой, может быть не без участия самих киевлян, оказавшихся накануне надвигавшихся событий без военачальника.

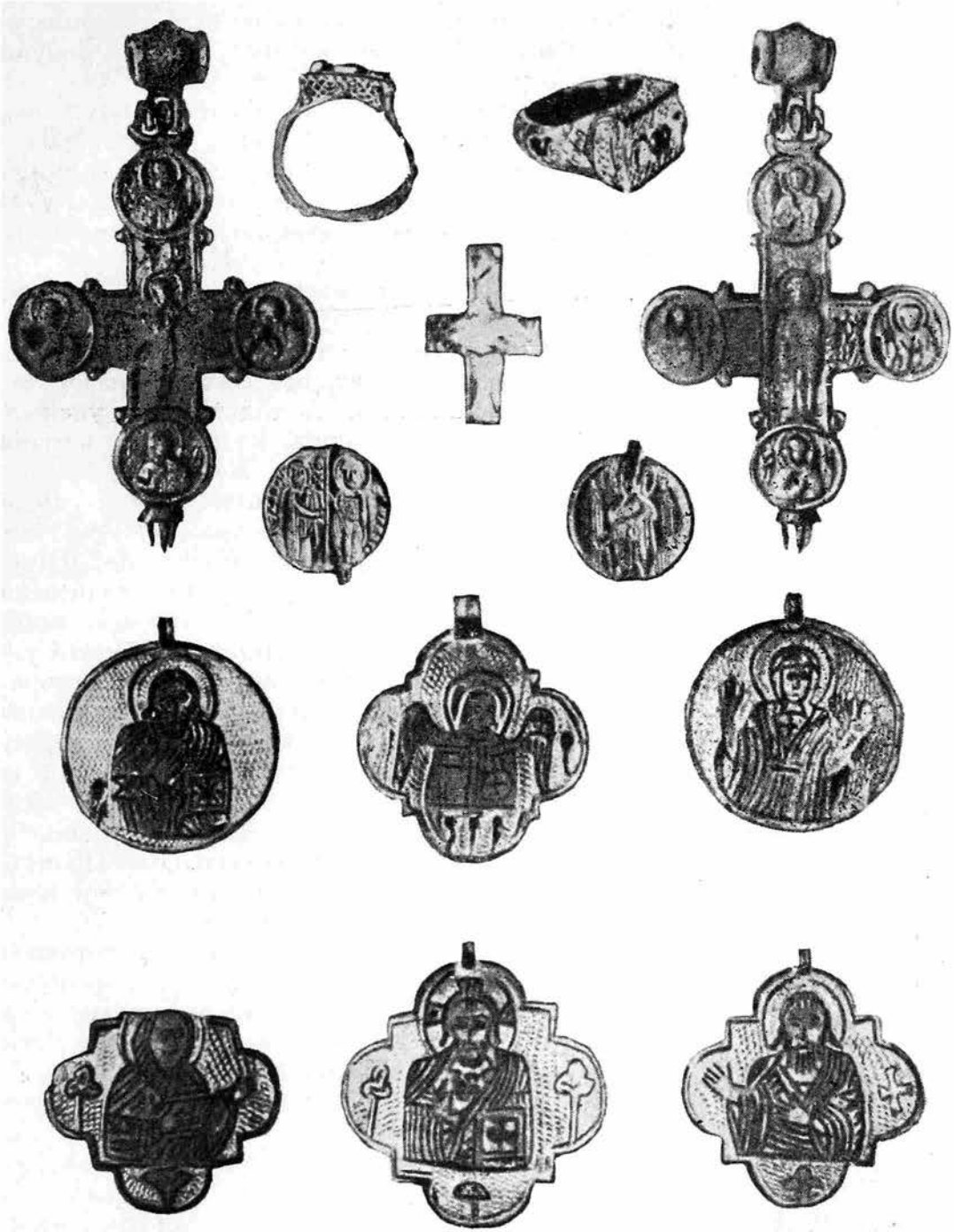

Рис. 29. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Крест-энколпион, серебряные подвески, золотой перстень.

Однако его пребывание на киевском столе было недолговременным. В Киев немедленно явился галицкий князь Даниил, схватил Ростислава, но сам в Киеве не остался, а посадил там тысяцкого Дмитра, поручив ему «объдержати противу иноплеменных язык безбожных татаров» былую столицу древней Руси, судьбой которой сам Даниил был, повидимому, не слишком озабочен.

Осенью следующего 1240 г. основные силы татарской орды под командованием самого хана Бату двинулись на запад.

Первый и основной удар был направлен на Киев. Поздней осенью полчища монголов подошли к Киеву, переправились через Днепр и окружили город. Современник-летописец кратко, но с потрясающей силой описал появление невиданного войска, расположившегося табором под стенами города в походных кибитках, с бесчисленными стадами ржущих коней и ревущих верблюдов.

«Приде Батый Кыеву в силе тяжьце многомъ множествомъ силы своей и окружи град и остолпи сила Татарская и бысть град в объдержаньи велице. И бе Батый у города и отроци его объседаху град и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревеня вельблуд его и ржания от гласа стад конь его и бе исполнена земля Руская ратных. . .».¹

В этом красочном и правдивом описании осажденного Киева, а еще более в дальнейшем повествовании о штурме города слышится взволнованная речь современника-очевидца, если не участника событий. Топографическая конкретность повествования о штурме города делает этот летописный отрывок незаменимым источником не только для уяснения последовательности ожесточенной борьбы за город, но и для понимания результатов этой борьбы для дальнейшей судьбы Киева.

Затруднительно установить, долго ли продолжалась осада города. Южнорусская летопись, являющаяся основным источником, при отмеченной выше топографической конкретности ведет рассказ, не приурочивая разворачивающиеся события к уточненным датам. По значительно более краткому сказанию, занесенному в Суздальскую летопись, взятие Киева «приключися до Рожества Господня на Николин день»,² т. е. 6 декабря 1240 г. Эта дата и считается общепринятой в русской историографии. Однако нужно отметить, что в ряде севернорусских летописных сводов — в Псковской I, Супрасльской, летописи Авраамки — приводится другая дата штурма Киева, сопровождающаяся к тому же такой же датой прихода татарских полчищ к Киеву и точным указанием срока осады города: «Приидоша Татарове к Киеву сентября 5 и стояща 10 недель и 4 дни и едва взяша ѿ ноября в 19 в понедельник». Происхождение этой версии и степень ее достоверности остаются до сих пор невыясненными.

После рассказа о появлении татарского войска под Киевом летописец сообщает о захвате в плен татарина именем Товрул, который «исповеда им всю силу их» (т. е. татар). От него киевляне узнали по именам важнейших «воевод» татарского войска, среди которых были знаменитые монгольские полководцы Себедяй богатур и Бурундай богатур, «иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую», двоюродный брат Бату — хан Менгу «и пнех бещисла».

Наступил день штурма. Основной удар монгольские войска наносили с юга. «Постави же Батый пороки городу подъле врат Лядьских ту бо беаху пришли дебри». Лядские ворота, как известно, вели из Ярославова города в Крещатицкую долину, густо поросшую лесом («дебри»). О применении монголами при штурме городов стенобитых орудий известно и по другим источникам. «. . . пороком же бес престани бьющим

¹ Ипат. летоц., под 6748 (1240) г.

² Лавр. летоц., под 6748 (1240) г. Эта же дата повторяется в более поздних Густинской, Софийской, IV Новгородской, Воскресенской, Тверской и Никоновской летописях.

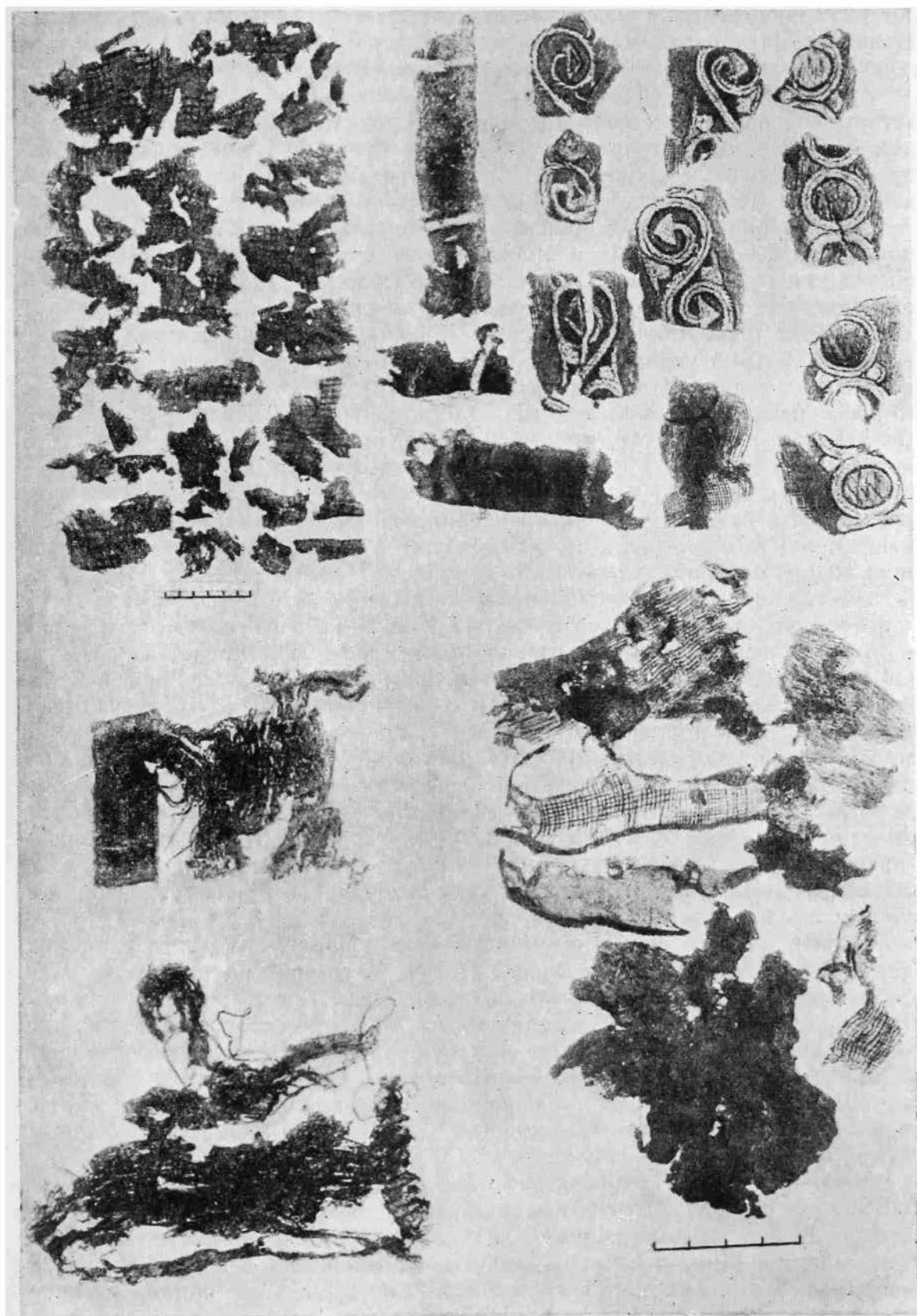

Рис. 30. Киев. Десятинная церковь. Гайник. Фрагменты ткани.

день и ночь выбиша стены. .». Киевляне продолжали отбиваться на остатках крепостных укреплений: «и возидоша горожаны на избыть стены». Началась ожесточенная рукопашная схватка: «и ту беаше видити лом копейны и щет скепагше стрелы омрачиша свет побеженным».

Руководивший обороною города тысяцкий Дмитр был ранен. Вскоре татары ворвались на стены Ярославова города. Главная оборонительная линия Киева была прорвана. Татарские полчища, утомленные отчаянным сопротивлением киевлян, вынуждены были временно прекратить дальнейшее наступление: «седоша того дне и ноци».

Воспользовавшись небольшой передышкой, киевляне укрепились на новой, последней для них оборонительной линии: «Гражане же создаша паки другий град около святое Богородице. . .». Едва ли правильно понимать эти слова летописного рассказа как известие о постройке вокруг Десятинной церкви наскоро какого-то временного укрепления.¹ Нужно вспомнить, что расширенная территория Ярославова города, выстроенного в 30-х годах XI в., примыкала к старым стенам и рвам Владимирова города, центром которого была упоминаемая летописным рассказом Десятинная церковь. Остатки этих внутренних городских укреплений не только в виде вала и рва, но и каменных воротных башен существовали вплоть до XVII в., когда были даже подновлены московскими воеводами. Именно эти старые укрепления, а отнюдь не какие-то выстроенные вновь за одну ночь, повидимому, и были подготовлены к обороне в то время, пока отдыхали татары.

Наутро сражение возобновилось со все возрастающим ожесточением: «наутрея же придоша на не и бысть брань межи ими велика. . .». Вскоре и укрепления Владимирова города были взяты. Бой продолжался и за стенами Владимирова города. Отступавшие горожане пытались использовать в качестве оборонительных рубежей каждую улицу, каждый дом. Именно об этом этапе ожесточенного сражения рассказывают раскопки на Б. Житомирской ул. Жилища, раскопанные в 1946 г., находились за стеной Владимирова города в непосредственной близости к «Батыевым» воротам. На развалинах сгоревшего жилища лежат в беспорядке многочисленные костяки последних защитников города. Неожиданно ворвавшиеся в ворота татары были так близко, что отступать дальше успевают не все. Некоторым приходится искать ненадежное убежище в глиняной печке, где их и застает катастрофа.

Последние часы сопротивления киевлян южнорусский летописец связал с судьбой древнейшего храма Киева. В северо-западном углу Владимирова города стоял мощный каменный храм Богородицы Десятинной. В этом храме, как тремя годами ранее в Успенском соборе во Владимире, оборонялась последняя горстка оставшихся в живых защитников Киева. Храм был наполнен людьми, сбежавшими сюда со своим имуществом: «. . . Людем же узбегшим и на церковь и на комары церковныя и с тоvary своими от тягости повалишася с ними стены церковныя и принят бысть град сице воими. . .».

Едва ли летописец правильно объяснял причину катастрофы здания. Каменный сводчатый храм не упал бы от тяжести забравшихся на его своды людей. Использованная обороняющимися в качестве последней цитадели Десятинная церковь, вероятно, подверглась действию таких же «пороков», которыми до этого уже были разбиты Лядские ворота и ворота Владимирова города, через которые татары прорвались к стенам Богородицы Десятинной.

¹ М. Грушевский, ук. соч., стр. 424.

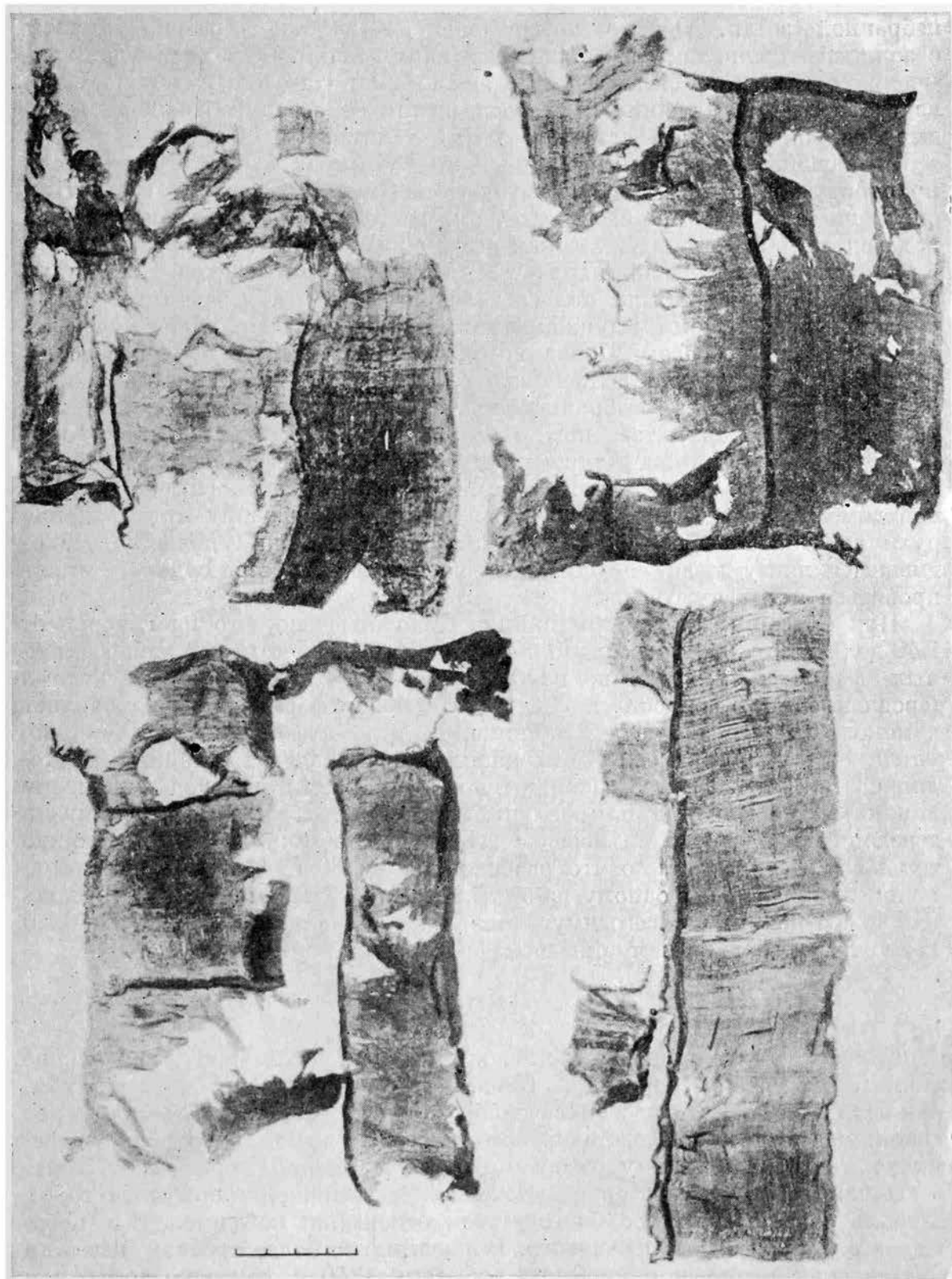

Рис. 31. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Фрагменты ткани.

Набившиеся в церковь люди, забравшиеся даже на «комары» церковные, естественно, использовали в качестве убежища и Десятинный тайник, описанный выше. О существовании его, конечно, знали далеко не все, и церковное духовенство могло предоставить его лишь наиболее избранной знати. Обилие драгоценностей — золота, серебра, тканей с золотыми нашивками, — найденных внизу тайника, не оставляет сомнения в том, кому был предоставлен тайник в качестве убежища. Один из забравшихся в тайник спрятался вместе со своей собакой в нише, вырубленной в северо-восточном углу тайника.

Забравшиеся в тайник люди, повидимому, имели безрассудную мысль прорубить под землей в лёссе выход из-под церкви к склону горы. При описании тайника выше было отмечено, что у самого дна его начинается ход под северную стенку (т. е. как раз к обрыву Киевской горы). Именно в этом же месте были найдены два воткнутых в землю заступа. Напомним, что на дне тайника были найдены, кроме того, два деревянных ведра с железными обручами и дужками и около одного из них целая куча плетеных из лыка веревок. Повидимому, с помощью этих приспособлений стоявшие наверху люди вытаскивали землю наверх. Рыхлый лёсс, лежавший на дне тайника, выбранный из бокового хода, не успели поднять из тайника наверх, так как в этот момент разразилась катастрофа. Не столько под влиянием тяжести огромного количества людей, забравшихся вместе со своим имуществом на «комары» церковные, сколько, повидимому, от ударов стенобитных орудий осаждавших татар здание рухнуло. Обвалившиеся своды и стены засыпали тайник доверху. Находившиеся внизу люди не успели осуществить свою безрассудную мысль пробиться к склону горы.

При описании находок в тайнике было отмечено, что на глубине от 1.40 до 2.00 м, т. е. значительно выше дна, был найден целый набор литейных формочек и на этой же глубине (1.80—2.00 м) скелеты трех человек (среди них один подросток). Люди эти и набор формочек не находились в момент катастрофы на дне тайника. И люди и формочки, несомненно, упали сверху в уже более чем наполовину заваленный тайник. Нашлись ли они на хорах (тайник помещается как раз под западными хорами) и упали оттуда, или же они были среди тех, которые вытаскивали деревянными ведрами на веревке землю из тайника — об этом можно только фантазировать, но что разбившиеся на 36 кусков литейные формочки принадлежали одному из этих людей и были принесены в церковь как самое ценное из всего имущества, представляется нам единственным возможным объяснением этой исключительной находки.¹

V

Южнорусский летописец, последовательно обрисовавший важнейшие этапы ожесточенной борьбы за Киев, не обмолвился ни словом о том, как вели себя победители в захваченном городе. Это обстоятельство не раз использовали те исследователи, которые из разных побуждений стремились ослабить картину разорения и опустошения древнего Киева.

Однако самый характер ожесточенной и затяжной борьбы за город едва ли свидетельствует о благодушном отношении победителей к побежденному городу и его населению. В значительно более кратком известии Суздальской летописи о киевских событиях 1240 г. отмечено то, о чем по неизвестным причинам умолчал южный летописец: «Того же лета взяша Киев Татарове и святую Софью разграбиша и монастыри все

¹ М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви, стр. 75.

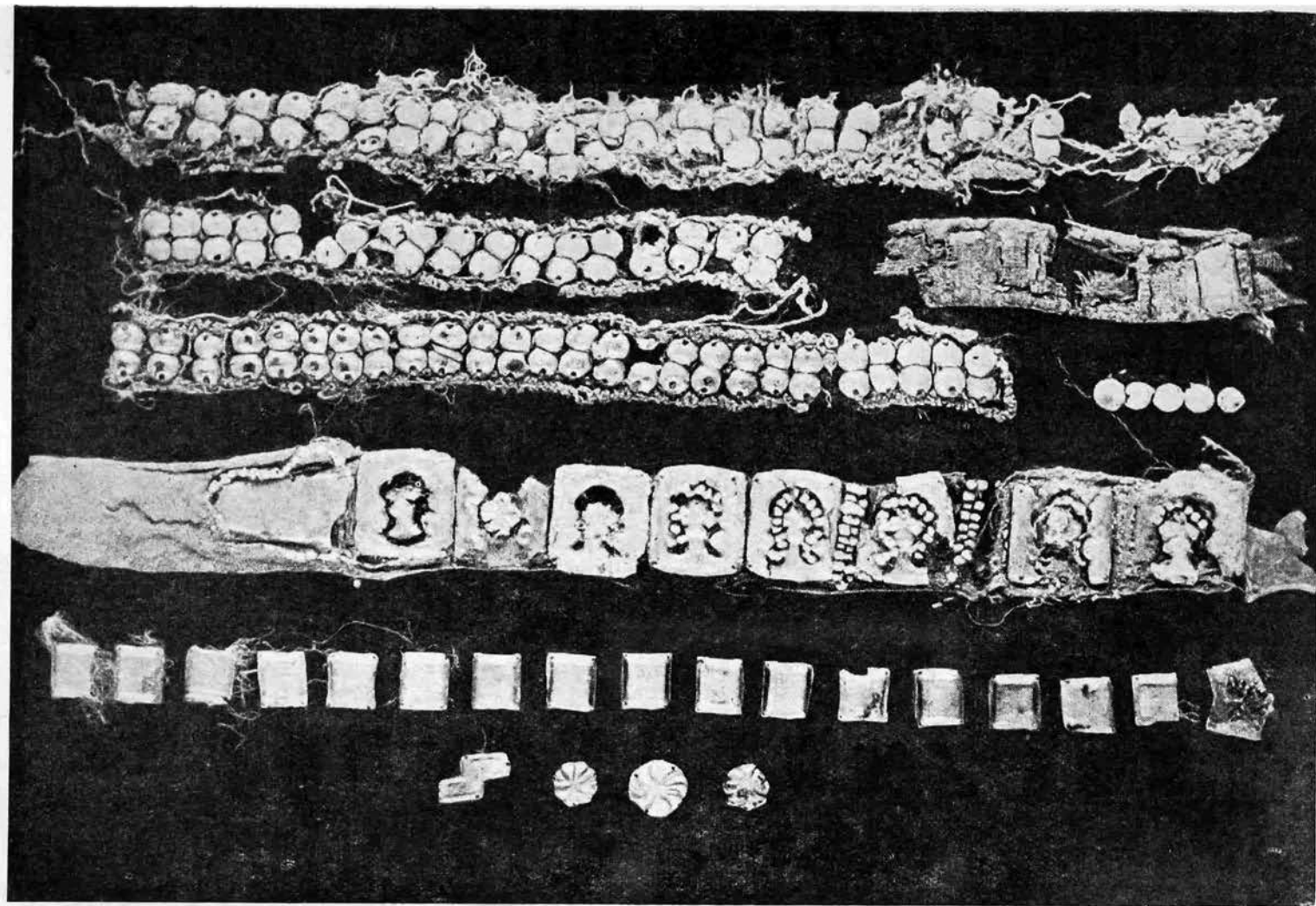

Рис. 32. Киев, Десятинная церковь, Тайник. Ткани с нашитыми золотыми бляшками и жемчугом.

и иконы и кресты и вся узорочья церковная взяша а люди от мала и до велика вся убиша мечом; си же злоба приключися до Рожества Господня на Николин день».¹ Едва ли после изучения обстановки борьбы за город рассказ северного летописца покажется риторическим преувеличением или обыкновенным литературным шаблоном, как это казалось Антоновичу, Грушевскому и их последователям.

Достаточно сравнить рассказ северной летописи о взятии Киева с рассказом южной летописи о взятии Чернигова и Переяславля, чтобы убедиться в том, что рассказ о киевском разорении попал в Суздальскую летопись из достоверных источников (не даром же он сообщает и дату события!).

Особенный скептицизм Антоновича и его единомышленников вызывала фраза летописца «а люди от мала и до велика вся убиша мечом». Поголовного истребления горожан действительно не было в Чернигове, если следовать летописному рассказу. В летописи говорится лишь о большом количестве убитых воинов.

В летописных рассказах о действиях татар в побежденных городах нельзя не обратить внимания на различное отношение победителей к различным городам в зависимости от степени сопротивления, оказанного данным городом. Быстро сдававшиеся города отделялись, повидимому, разграблением населения и особенно богатых монастырей и храмов.

Судьба Киева больше напоминает судьбу маленького городка Козельск, героическое население которого выдержало семинедельную осаду, после чего в жесточайшей рукопашной схватке козляне с мужеством отчаяния «ножи резахуся» с татарами и, истребив до четырех тысяч монгольских воинов, «сами же избьени быша». Взяв город Козельск, Бату «изби вси и не пощаде от отрочат до сосущих млеко».²

Татары, разыскивая после боя трупы своих трех «темников», «не могаша их изнайти во множестве труп мертвых».³ Летописец добавляет, что с той поры татары «не смеють его нареци град Козлеск, но град злый, понеже бишася семь недель».⁴ Неужели это тоже литературный шаблон?

Не менее ярко и правдиво описаны летописцем последствия татарского разгрома в городах Галицко-Волынской земли. Даниил с братом, услышав об уходе татар на Восток, возвращались из Польши в родную землю. Дойдя до города Берестья, они не могли продолжать свой путь к Владимиру: «не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьеных, не бе бо на Володимере не остал живыи; церкви святой Богородицы исполнена трупья, иныя церкви наполнены быша трупиа и телес мертвых...».⁵

Вскоре после разгрома Киева через Южную Русь пробирался в ханскую ставку францисканец Плато Карпини, возглавлявший миссию, снаряженную папой Иннокентием IV в 1246 г., имевшую задачей войти с татарским ханом в мирные отношения и попытаться обратить его в христианскую веру.⁶ Проезжая через Южную Русь, Плато Карпини мог видеть с наглядной очевидностью все ужасы татарского погрома, от которых, по выражению современников, мог бы прослезиться антихрист.⁷ Немногие строки, посвященные Карпини Киеву и Русской земле, представляют огромный интерес. Карпини писал в своем донесении: «. они

¹ Лавр. летоп., под 6748 (1240) г.

² Ипат. летоп., под 6746 (1238) г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, под 6748 (1240) г.

⁶ Иоанн де-Плато Карпини. История монголов. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. VII—IX.

⁷ Там же, стр. VII.

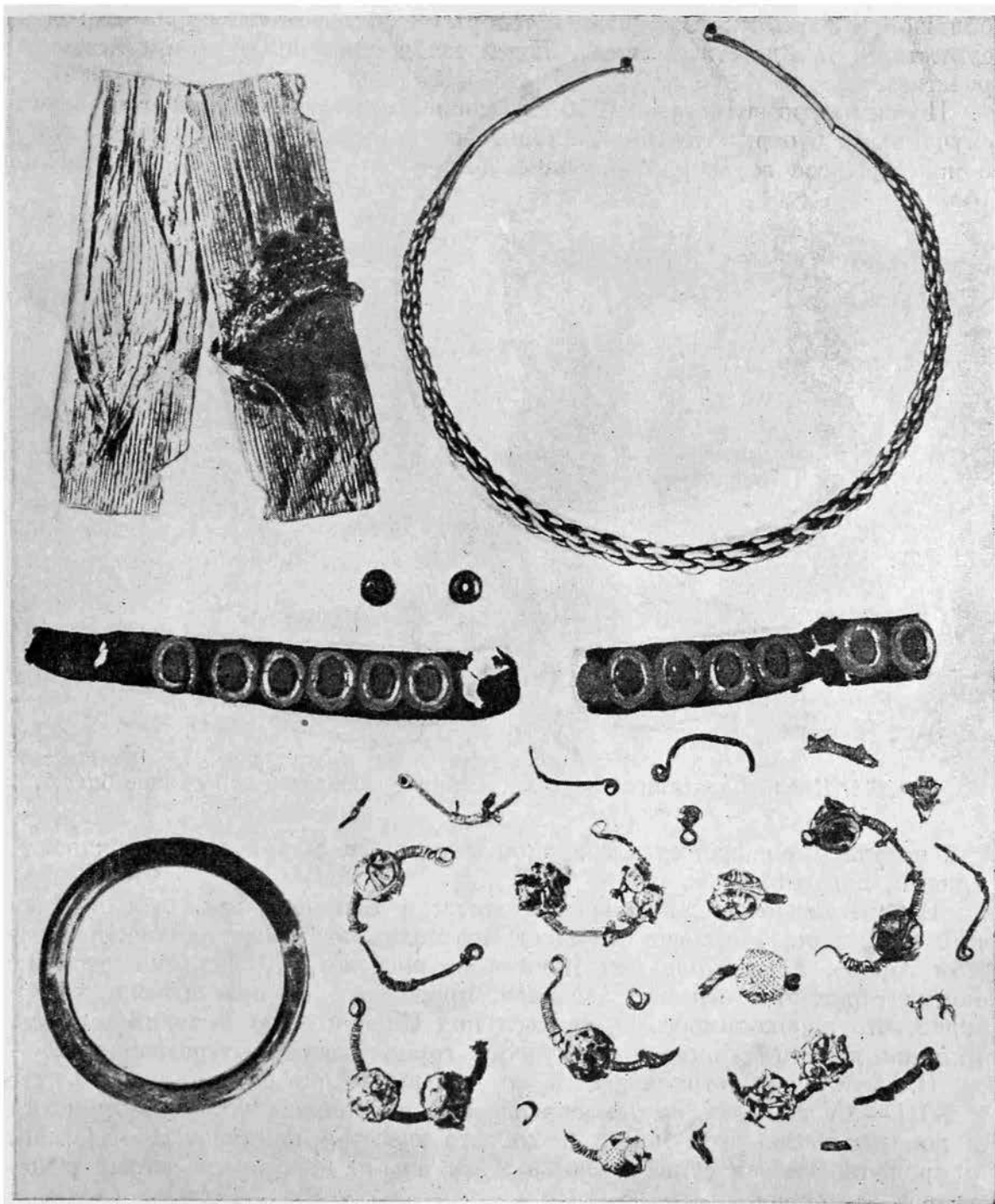

Рис. 33. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Находки.

[татары] произвели великое избиение в стране Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города, отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве».¹

После разгрома Киева в 1240 г. летописные известия о нем становятся случайными и отрывочными. Составить по ним какое-либо представление о жизни Киева во второй половине XIII—XIV вв. невозможно. Отдель-

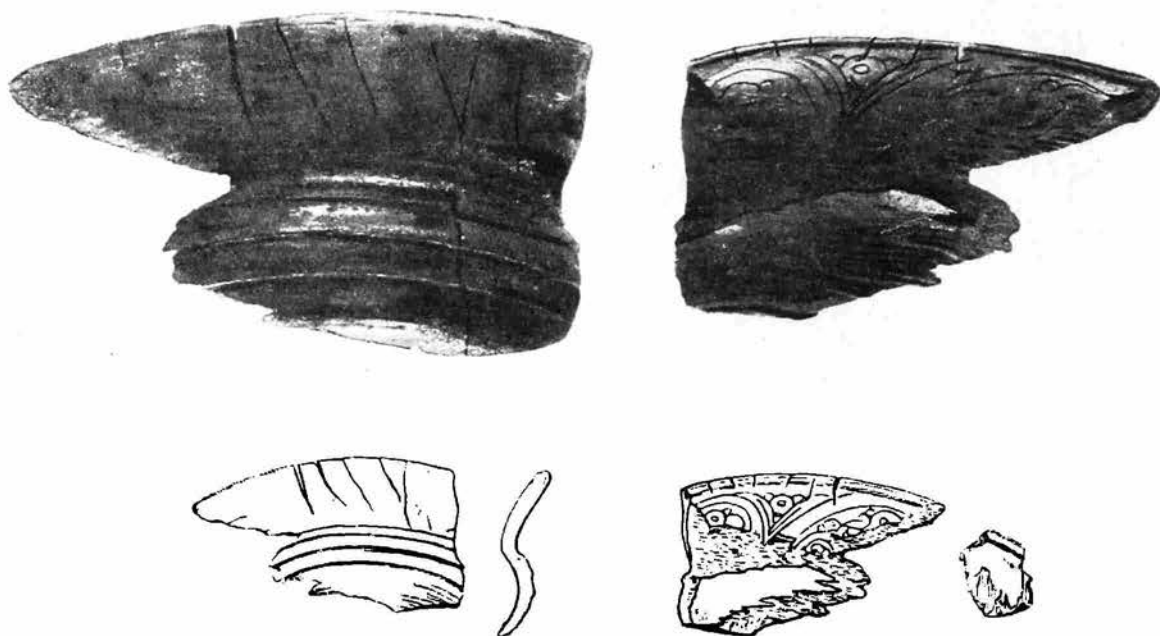

Рис. 34. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Обгорелое деревянное блюдо.

ные летописные свидетельства южной и северных летописей заслуживают, однако, внимания.

Вскоре после ухода татарских войск в Венгрию, вернулся в Киев князь Михаил. Летописец сообщает, что князь поселился, однако, не в самом городе, а «живяше под Киевом во острове».² А. И. Соболевский,³ комментируя этот отрывок летописи, правильно, на наш взгляд, утверждал, что необходимость поселиться под Киевом была вызвана тем, что княжий двор и лучшие дома старого города лежали в развалинах.

В. Антонович, стремившийся во что бы то ни стало доказать, что в XIII—XV вв. Киев не находился в «совершенном запустении», приводил в доказательство этой мысли несколько известных конца XIII—XIV вв. о продолжавшемся существовании в это время некоторых старых монастырей и храмов.

Так, действительно, под 1277 г. в Воскресенской и Густинской летописях сообщается о посвящении архимандрита Киево-Печерского монастыря в епископы во Владимир.⁴ Под 1289 г. при описании похорон

¹ Там же, стр. 25.

² Ипат. летоп., под 6748 (1240) г.

³ А. И. Соболевский, ук. соч., стр. 284.

⁴ Густ. летоп., ПСРЛ, II, 345; Воскр. летоп., ПСРЛ, VII, 172.

волинского князя Владимира Васильевича упоминается другой архимандрит киево-печерский, Агапит.¹ Третий архимандрит того же монастыря, Давид, известен как духовник второй жены Ольгерда.²

От конца XIV в. сохранились известия о погребении в Киево-Печерском монастыре многих знатных лиц: нареченного митрополита Дионисия (1385), князя Иоанна (Скиргайла) Ольгердовича (1396) и князя Влади-

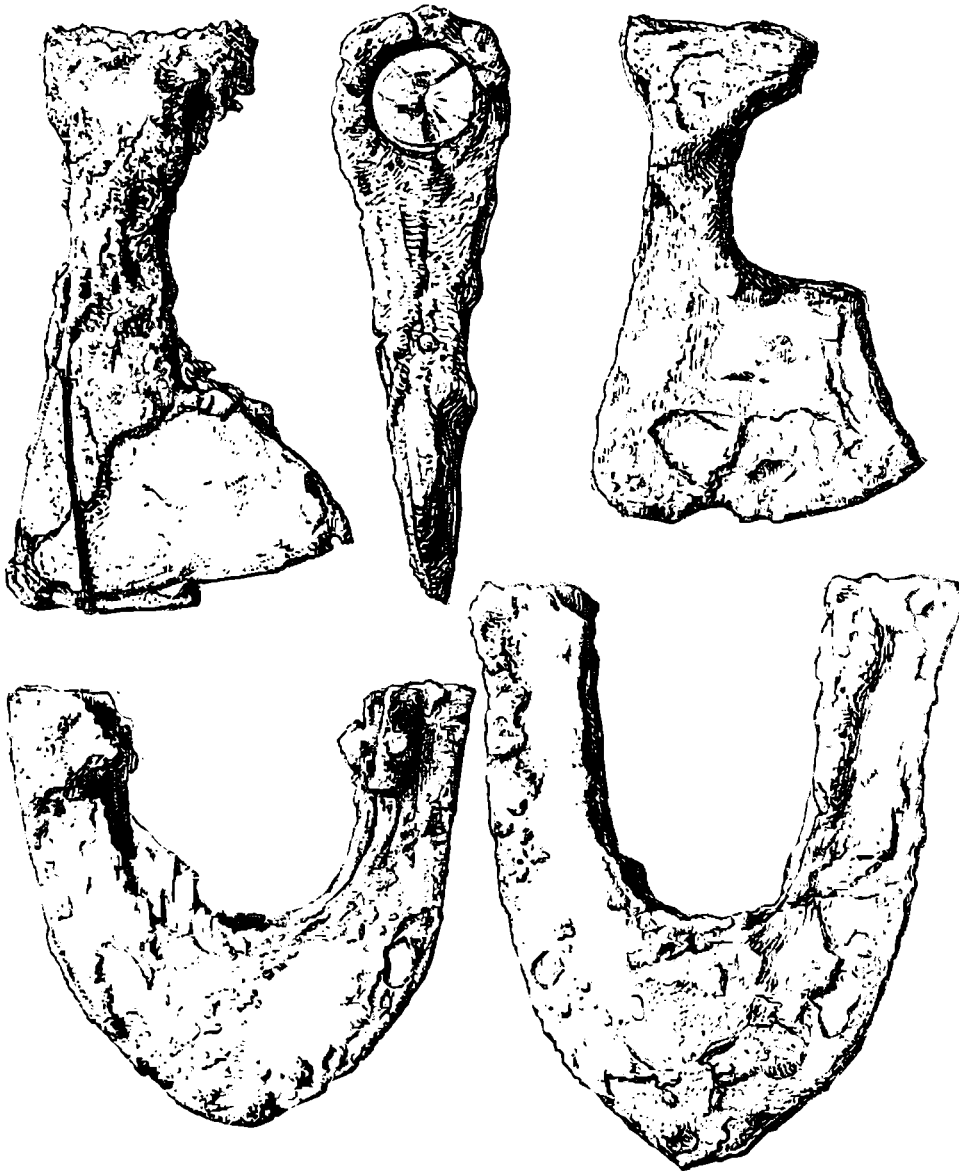

Рис. 35. Киев. Десятинная церковь. Гайник. Железные топоры и оковки заступов.

мира Ольгердовича. Наконец, в 1399 г. Киево-Печерский монастырь, откупаясь от орды Темир-Кутлука, напавшей на Киев, дал татарам «окопу 30 рублей».³

Из всех перечисленных выше фактов можно сделать лишь один неоспоримый вывод о том, что в XIII—XIV вв. под Киевом продолжал суще-

¹ ПСРЛ, II, стр. 604.

² Карамзин. ИГР, V, прим. 44.

³ Летоп., изд. Даниловичем, стр. 47—48; Летоп. Быховца, 34—35; Густ. летоп., 352; Воскр. летоп., 49—73; Никон. летоп., IV, 147, 282; Хроника Мартына Бельского (Изд. 1597 г.), стр. 283. Цит. по Антоновичу, стр. 227.

ствовать Киево-Печерский монастырь. Но продолжающееся существование одного из многочисленных когда-то киевских монастырей отнюдь не является свидетельством, опровергающим в какой-либо степени нарицанной выше по летописным и археологическим источникам картины полного разорения и опустошения верхнего города, произведенного монголами в 1240 г.

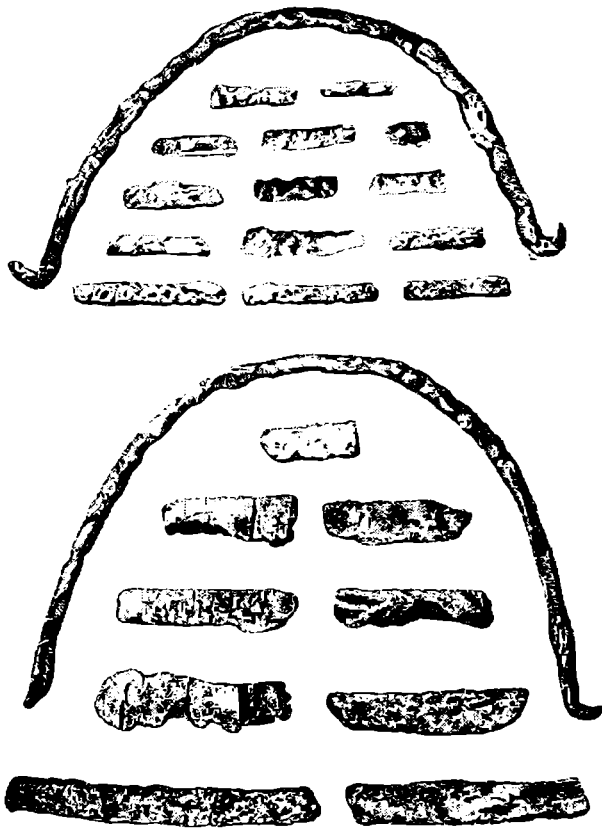

Рис. 36. Киев. Десятинная церковь. Тайник. Железные дужки от ведер.

Более того, существование в конце XIII—XIV вв. Киево-Печерского монастыря как церковной организации не говорит даже о том, в каком состоянии находились в это время его основные сооружения и, в частности, Успенская соборная церковь.

Среди надгробий над погребенными в монастыре знатными лицами заслуживает внимания надгробие князя Симеона Олельковича, погребенного 3 декабря 1471 г. (6978 г.). А. Кальнофойский в своей Тератургиме привел текст надгробия, представляющий несомненное значение для освещения поставленного выше вопроса. Над гробом кн. Симеона в начале XVII в. существовала следующая надпись: «Посетитель! Каким образом ты видишь это великое здание? || Каким образом ты осматриваешь это художественно воздвигнутое сооружение? || Двести тридцать три года тому назад здесь были одни только обломки камней || когда церкви

Батыем лишены были своей красоты || Оно воздвигнуто было иждивением князя Симеона || в честь Бога и Пречистой Его Матери. . .».¹

Изучение техники кладки Успенского собора приводило уже исследователей конца XIX в. к выводу, что от здания XI в. в составе существующей постройки сохранились лишь незначительные остатки. Исследование руин собора после взрыва его немецко-фашистскими захватчиками в 1941 г. приводит нас к еще более определенным выводам — эпитафия Симеону как одному из «фундаторов» Лавры не преувеличивает его участия в реставрации собора из руин.

Текст эпитафии, переведенный Кальнофойским на польский язык силлабическими стихами, был исполнен, повидимому, одновременно с многими другими надгробиями значительно позже погребения, но возможно, что он в какой-то степени повторяет (по содержанию) текст древнего надгробия.

Мнение В. Антоновича,² повторявшееся позже неоднократно, о том, что разрушение Успенского храма, относимое в эпитафии ко временам

¹ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей, Киев, 1874, отд. II, стр. 28—29.

² В. Антонович, ук. соч., стр. 239.

разгрома Киева Бату, в действительности произошло в 1416 г. при набеge крымских татар Эдигея, ничем не подтверждено.

В памяти людей XV—XVII вв. события начала XV в., казалось бы, должны сохраниться лучше, чем события начала XIII в., однако и текст эпитафий, и Синописис, и свидетельства путешественников XVI—XVII вв. связывают разрушение Лавры с разгромом Киева в 1240 г.

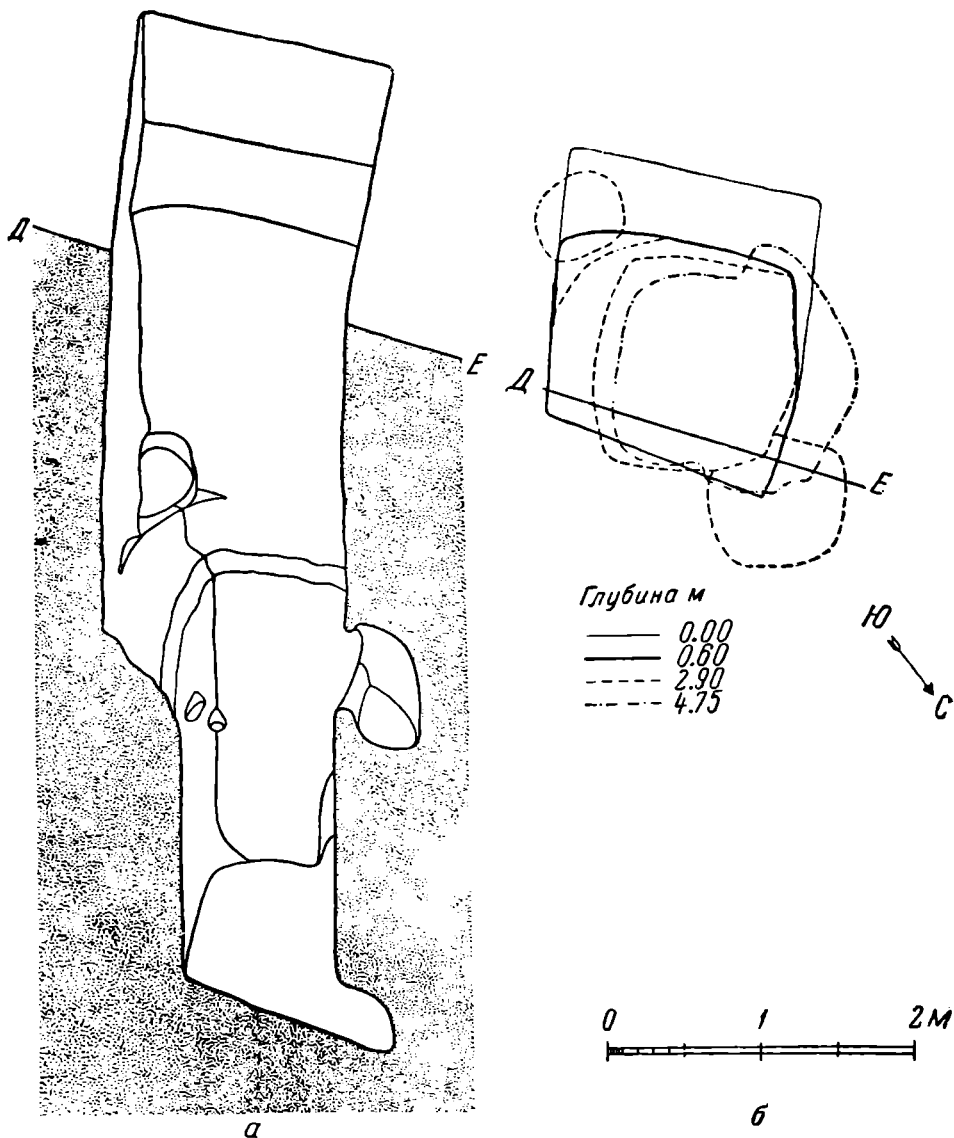

Рис. 37. Киев. Десятинная церковь. Тайник.
а — разрез, б — план.

Несколько раз северные летописи сообщают о различных событиях, происходивших в конце XIII и XIV вв. в Киево-Софийском соборе. Так, в 1280 г. в соборе был погребен митрополит Кирилл, скончавшийся в Переяславле Суздальском,¹ в 1288—1289 гг. митрополит Максим рукополагал «в святой Софии в Киеве» Иакова в епископы владимирские² и Тарасия — в ростовские;³ с 1375 по 1380 г. и позже с 1382 по 1390 г. в Киеве, на митрополичьем дворе «у святой Софии», жил непризнанный

¹ Никои. летоп., III, стр. 70.

² Там же, стр. 86.

³ Там же, стр. 87.

в Москве кн. Дмитрием Донским митрополит Киприан;¹ наконец, в 1396 г. киевский князь Скиргайло пировал на митрополичьем дворе «у святой Софии», у наместника Фомы.²

Все эти факты, перечисленные В. Антоновичем, говорят о том, что Софийский собор в Киеве после монгольского разгрома и расхищения оставался все же пригодным для богослужения и в течение указанного периода продолжал оставаться городским действующим храмом. Как свидетельствуют путешественники конца XVI—XVII вв., несмотря на крайнюю степень разрушения, до которой этот храм был доведен к началу XVII в., он все же и тогда, наряду с собором Михайловского Златоверхого монастыря, оставался действующим храмом, переходя от православных к униатам и обратно.

Значительный интерес для изучения состояния верхнего Киева представляют известия иностранных путешественников, посещавших Киев в XVI—XVII вв.

В «Записках» Сигизмунда Герберштейна, дважды, в 1517 и 1526 гг., посетившего Московию, есть несколько строк, посвященных Киеву. Герберштейн не был лично в Киеве и в своем сообщении об этом городе он ссылается на Г. Альберта Гастоля, палатина Виленского, который рассказал ему о Киеве следующее: «... В восемнадцати милях (от Канева) находится Киев — древняя столица России. Великолепие и истинно царственное величие этого города доказывается самыми его развалинами и памятниками, которые видны в обломках. И поныне еще *на соседних горах* [курсив наш, — М. К.] заметны следы разоренных церквей и монастырей...».³

Чтобы понять это известие и некоторые последующие, нужно иметь в виду, что в литовский и польский периоды жизнь города была сосредоточена, в основном, на Подоле. Киево-Подол в послемонгольское время стал синонимом Киева, — вот почему руины старого (верхнего) Киева, его церквей и монастырей описываются как находящиеся «на *соседних горах*».

Почти аналогичные известия сообщает веронец, служивший в польском войске во время войны с Россией, Александр Гваньини. В своем «Описании Сарматии», опубликованном в 1581 г., Гваньини писал: «Киев древнейший и обширнейший город, обнесенный деревянными оградами, некогда столица всей России, расплодился у славнейшей реки Борисфена, отстоит от Вильны на сто двадцать миль польских. О прежнем великолепии и истинно царственном виде города свидетельствуют самые развалины и памятники, расположенные на пространстве шести миль. Доселе на соседних холмах виднеются следы церквей, монастырей и опустевших зданий...».⁴

Значительно интереснее известия о Киеве в «Дневнике Эриха Ляссоты», ездившего в 1594 г. по поручению императора Рудольфа к запорожским казакам и по пути побывавшего в Киеве. Ляссота посвятил описанию Киева довольно значительную часть своего «Дневника».⁵ Особенно заинтересовал его Софийский собор, который, по словам Ляссоты, «существует и ныне, но очень обветшал». Автор довольно подробно описал этот памятник и привел ряд легенд, которые ему были рассказаны.

¹ Никон. летоп., IV, стр. 48, 139—140.

² Летоп., изд. Данилевичем, стр. 47; Густ. летоп., стр. 352.

³ С. Герберштейн. Записка о Московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Маленна. СПб., 1908, стр. 165.

⁴ Сборник материалов для исторической топографии Киева. отд. II, стр. 12.

⁵ Tagebuch der Erich Lassota von Stellau. Галле, 1866. Русск. пер. в «Сборнике материалов для исторической топографии Киева», стр. 15—22.

О самом городе Ляссота писал следующее: «... Киев был очень укреплен на обширном пространстве и украшен великолепными храмами и зданиями общественными и частными, как можно судить об этом по древним развалинам, равно и по валу, охватывающему город и простирающемуся, говорят, на девять миль в окружности...»¹

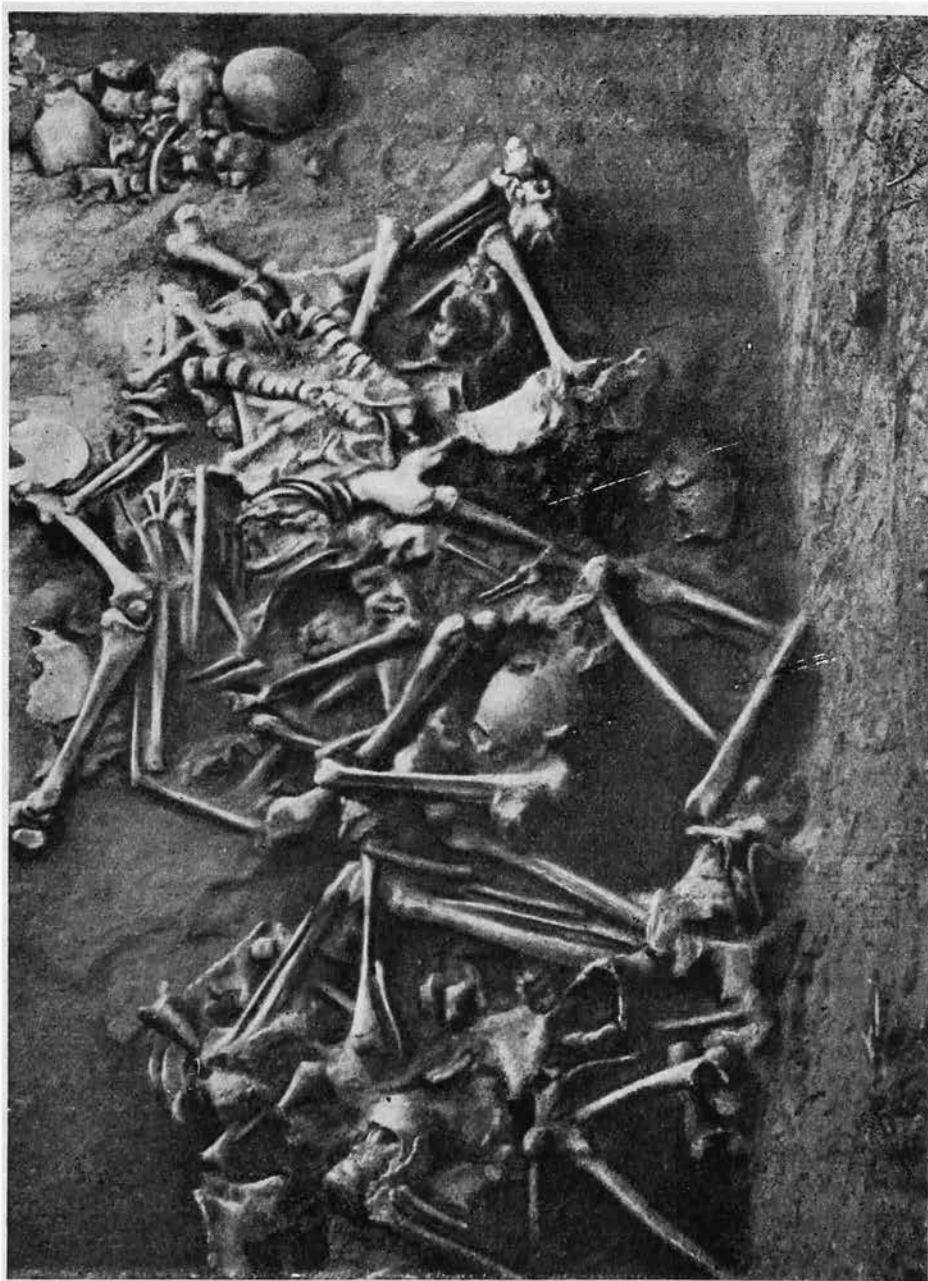

Рис 38. Киев. Братская могила.

Описав в верхнем городе, кроме Софийского собора, развалины Золотых ворот, собор Михайловского Златоверхого монастыря и руины храма неподалеку от Софии, который Ляссота называет «церковью Екатерины», автор заключил рассказ о своих наблюдениях в Киеве следующими словами: «Там, где видны развалины и где некогда находился город,

¹ Там же, стр. 16.

ныне или почти нет домов, или их очень мало; нынешний город построен внизу в долине, на правом берегу Днепра, и довольно растянут, ибо почти у каждого дома сад. . . Замок находится высоко на отдельной горе [речь идет о литовском замке на горе Киселевке, — М. К.]; он очень обширен, но не каменной постройки, а деревянный, оштукатуренный известью». ¹

Дипломат, юрист и историк Рейнольд Гейденштейн в сочинении о современной ему польской истории, в ряду событий, относящихся к 1596 г., посвятил несколько десятков строк описанию Киева. ² Описав Золотые ворота, Софийский собор и развалины уничтоженных храмов верхнего Киева, Гейденштейн заключил: «Огромные валы и стены свидетельствуют, что город, должно быть, когда-нибудь был очень многолюден и велик. . . Нынешний город Киев находится не в старых стенах, но несколько пониже у Днепра и не похож на старый Киев. . . Над городом господствует деревянный замок, но он не стоит названия замка. Он совсем заброшен и почти совершенно сгнил». ³

Почти к тому же времени относится описание развалин верхнего Киева, сделанное Иосифом Верещинским, бискупом Киевским, в его записке, адресованной Краковскому сейму. ⁴ Верещинский выдвигал перед сеймом проект восстановления древних укреплений Киева и заселения заброшенного и опустевшего верхнего города.

Едва ли есть необходимость приводить упоминания о забытых руинах храмов и других зданий в верхнем Киеве в известиях и документах XVII в. Когда московские воеводы с кн. Федором Куракиным во главе в 1654 г. прибыли в Киев и приступили к обновлению оборонительных сооружений города, они отказались от восстановления литовского замка на Киселевке, подробно обосновав в донесении царю Алексею Михайловичу недостатки этого укрепления. Наоборот, они высоко оценили фортификационные возможности древнейших киевских укреплений, к восстановлению которых вскоре и приступили, несмотря на сопротивление киевского митрополита Сильвестра, который не хотел отдавать московским воеводам «Софийской слободы», как назывался в это время верхний Киев. ⁵ Опустевшая территория Ярославова и Владимирова городов принадлежала в XVII в. митрополиту, который считал ее неотъемлемой собственностью киевской митрополии. За древними валами великокняжеской эпохи ютилось лишь несколько десятков казачьих и крестьянских хат, принадлежавших новым поселенцам, созданным в 1600 г. киевским воеводой кн. Константином Острожским «на запустелое место». ⁶

В течение второй половины XVII в. древние укрепления верхнего города обновлялись неоднократно. В это же время появились в верхнем городе сооружения, необходимые для обеспечения московского гарнизона, разместившегося в обновленной великокняжеской крепости. В это же время начались работы по восстановлению отдельных наиболее сохранившихся древних храмов. Кроме Софийского и Михайловского

¹ Там же, стр. 18.

² Там же, стр. 23—24 (ср. также: Северный архив, 1822, № 1, стр. 115—116).

³ Там же, стр. 24.

⁴ Киев триста лет назад. Киевская Старина, т. XLIV, 1894, март, стр. 403—409.

⁵ АЮЗР, X, СПб., 1878, № 7; см. также: Г а р п о в. Киевская митрополия и Московское правительство во время соединения Малороссии с Великой Россией. Православное обозрение, 1871, авг., стр. 172—195; сент., стр. 308—327.

⁶ П. Г. Лебединцев. Росписной список г. Киева 1700 г. Киев, 1892, стр. 51.

соборов была восстановлена из руин древняя Трехсвятительская церковь XII в. Тогда же предпринимаются попытки увековечить память о наиболее прославленных древних храмах времен Владимира и Ярослава, восстановить которые было уже невозможно. На развалинах Десятинной церкви после небольших «раскопок» еще Петр Могила в 1635 г. построил небольшую церковь. В 1654 г. московские воеводы несколько расширили храм, пристроив западный притвор по образцу русской «трапезы». Тогда же, повидимому, был надстроен второй этаж с приделом Петра и Павла.¹

В 1674 г. киевский воевода кн. Юрий Петрович Трубецкой в отписке к царю Алексею Михайловичу писал: «В летописных, государь, киевских книгах написано: в лето 6545 г., в Киеве в верхнем большом городе, у Золотых ворот, близ Софейского монастыря, создана каменная церковь, во имя святого великомученика Георгия, и была церковь двести два года и в лета ж 6748 г., в киевское разорения от Батыя царя, та церковь разорена, и от того времени на том месте церкви Божией не было и место церковная от незнающих простых людей и от скоту было насорено неистово; и мы холопи твои хотим то место очистить и огородить...».²

Из приведенного документа явствует, что «прежнее Георгиевское церковное место», несмотря на давность разрушения древнего храма Георгия, еще сохранялось в народной памяти. Желание очистить и огородить «место церковное, неистово насоренное от незнающих простых людей и от скоту», нельзя понять иначе, как желание привести в порядок запущенные руины древнего храма, на которых и решено было выстроить новую деревянную церковь того же имени. Заслуживает внимания осведомленность московского воеводы, прибывшего в Киев незадолго перед этим, «в летописных книгах» и безукоризненная точность хронологических определений.

В начале XVIII в. древние киевские укрепления, обновленные московскими воеводами, были вновь и окончательно заброшены. Петр I выстроил новую киевскую крепость на Печерске. Территория верхнего Киева вновь опустела, гарнизон был переведен на Печерск, укрепления постепенно разрушались.

Екатерина II в 1787 г. в письме к Гримму писала из Киева: «Странный здешний город: он весь состоит из укреплений да из предместий, а самого города я до сих пор не могу доискаться, между тем, по всей вероятности, в старину он был, по крайней мере, с Москву».³

Как место для «загородных прогулок» среди пустынных романтических руин древних укреплений описывают верхний Киев по воспоминаниям юности еще киевские старожилы второй половины XIX в.⁴ Только в 40-х годах XIX в. реконструкция города по вновь утвержденному плану стерла с лица земли последние остатки древних укреплений, а многочисленные руины великокняжеских построек оказались под вновь проложенными улицами и жилыми кварталами нового города.

¹ Ф. Эрнст. Київська архітектура XVII віку. Київ та його околиця. Київ, 1926, стр. 153.

² Симбирский сборник, т. I, М., 1845, стр. 142.

³ Г. В. Есипов. Путешествие имп. Екатерины II в Южную Россию в 1787 году. Киевская Старина, 1891, XXXII—XXXIII.

⁴ П. Лебединцев. К материалам для исторической топографии Киева. Чтения в Церк.-археол. общ. при Киевской духовной академии, вып. X, Киев, 1910, стр. 7—26. — И. Д. Богатинов. Воспоминания. Русский архив, 1899, № 3, стр. 422—425.

Интенсивное строительство второй половины XIX—начала XX вв. скрыло древнюю, часто нетронутую культурно-историческую стратиграфию Киевского «городища» под мощным слоем поздних напластований.

Охарактеризованные выше основные этапы исторической жизни верхнего Киева в послемонгольский период полностью подтверждаются той своеобразной стратиграфией древнего Киевского городища, которая установлена археологическими исследованиями последних лет.
